

Анна Орехова

Когда ложь звучит
громче правды

ГЛУХЪЕ ПРАВОСУДИЕ

Книга 1. Доказать вину

Расследования в тишине

Анна Орехова

**Глухое правосудие.
Книга 1. Доказать вину**

«Вимбо»

2025

Орехова А.

Глухое правосудие. Книга 1. Доказать вину / А. Орехова —
«Вимбо», 2025 — (Расследования в тишине)

ISBN 978-5-00224-777-6

Расследование завершено. Наконец-то человек, из-за которого Ника потеряла слух, окажется на скамье подсудимых. Казалось бы, самое время праздновать, вот только картина преступления не складывается. Свидетели путаются и лгут, следователь подгоняет улики под свою версию, новые факты указывают на других подозреваемых. Но поезд правосудия отмечает все сомнения и стремительно мчится к обвинительному вердикту: невиновные вот-вот окажутся в тюрьме, а обидчик Ники так и не будет найден. Чтобы докопаться до истины, ей придётся бросить вызов системе и самой искать убийцу.

Ведь иногда во имя справедливости нужно взять правосудие в свои руки.

Анна Орехова — писатель, путешественник и предприниматель. Автор детективных романов «Стамбул. Подслушанное убийство» и «Барселона под звуки смерти». В 2022 году книга «Стамбул. Подслушанное убийство» стала победителем премии «Русский детектив» в номинации «Дебют года».

Аудиокнига «Стамбул. Подслушанное убийство» победила в конкурсе Rock&Book 2022 в номинации «Лучшая женская озвучка».

ISBN 978-5-00224-777-6

© Орехова А., 2025

© Вимбо, 2025

Содержание

Часть I	6
Глава 1. Нежданный подарок	6
Глава 2. Ненадлежащее поведение	14
Глава 3. Должен быть выход!	25
Глава 4. Семейный обед	28
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна Орехова
Глухое правосудие
книга I
Доказать вину

Иллюстрация: Наталья Каштыкина

© Анна Орехова

© ООО «Издательство «Эксмо», иллюстрация, 2025

© ООО «Вимбо»

Посвящается Баффи, моему серому пушистому соавтору

Часть I

Досудебное расследование

Глава 1. Нежданный подарок

После серой дождливой зимы хотелось солнышка и ярких красок. Выбраться на природу, устроить пикник, гулять, дышать, наслаждаться. Погода подталкивала: прыгай в машину и мчи за город! Когда еще выдадутся такие деньки? Уже не холодно, но еще не жарко; все вокруг зеленое, сочное; желтые макушки одуванчиков приманивают не менее желтых пчел; лягушки по вечерам устраивают концерты. Идеальное время, жители юга знают: нужно пользоваться моментом, еще месяц-другой – и наступит невыносимая жара.

Однако весна в этом году лишь манила и поддразнивала, словно насмехаясь над теми, кто застрял в четырех стенах, мечтая выбраться на волю. Вот уже пятый раз карантин продлевали еще на неделю, казалось, сумасшествию нет конца. Запертые по домам люди как с цепи посрывались, количество преступлений на бытовой почве росло, а потому, в отличие от других граждан, у Андрея и его коллег работы только прибавлялось.

Чайник шумел, подогревая воду. Кофе не хотелось, но «хочу» давно уже покинуло словарный запас Андрея, уступив место безапелляционному «надо». Ночная смена плавно перешла в дневную. Поспать удалось всего полчаса, о чем Андрей уже жалел, потому как после такого «отдыха» чувствовал себя вконец разбитым. Кофе был единственной возможностью хоть немного взбодриться.

В такие минуты желание послать все подальше подбиралось к критической точке. Душу грела лишь заветная отметка «пять лет», после которой, как обещали коллеги, нагрузка будет меньше. До «пятерки» Андрею оставалось полгода, и он намеревался преодолеть финишную черту как минимум из спортивного интереса. Вот и сейчас, вместо того чтобы побыть в кои-то веки дома, Андрей сидел в рабочем кресле, смотрел на заваленный бумагами стол и думал, сколько еще протянет в таком режиме?

Чайник щелкнул. Две ложки растворимого, ложка сахара, кипяток и капелька сливок, чтобы было не так противно. От горького аромата к горлу подкатила тошнота.

– Ненавижу, – проворчал Андрей, делая глоток. Очки тут же запотели. – Господи, какая дрянь.

Но кофе работал, и только это было сейчас важно. Конденсат на стеклах очков медленно таял, зрение прояснялось, а вместе с ним мысли потихоньку выстраивались в ряд, фрагменты ночной смены, ничем не отличающейся от всех прочих ночных смен, собирались воедино: три вызова, один следственный эксперимент, тонны бумаг, что-то еще... ах да, очередная беседа с шефом, и снова о деле Подставкина.

Чертово дело Подставкина! Подарочек от предыдущего следователя, который сошел с дистанции, не протянув и трех лет. Не по своей воле, кстати, что с таким подходом к работе неудивительно.

Этот кретин умудрился рассмотреть в самоубийстве убийство! Но кретином он был не по этой причине, а потому что пошел со своими умозаключениями к начальству. Степан Геннадьевич, ясен пень, его послал, объяснив, что заведомый всяк возбуждать не собирается. Однако вместо того, чтобы уползти в кабинет и заткнуться, предшественник Андрея совершил карьерное самоубийство – приперся к матери жертвы и заявил: «Существует вероятность, что вашего сына убили». Господи, какой идиот! Хотя «идиот» – это мягко сказано.

– Эгоистичная ско-ти-на. – Усталость всегда обостряла привычку Андрея высказывать мысли вслух. – Тупой ленивый урод. Испортил всем жизнь и свалил.

Знал же, к чему это приведет! Знал, что мать у жертвы не простая. Но все равно пошел, добился своего – дело возбудили, после чего побарахтался еще несколько месяцев и уволился якобы по собственному желанию, а каша, которую он заварил, перекочевала на стол к Андрею.

Поначалу казалось, что в этом деле совершенно не за что зацепиться. Хирург Максим Анатольевич Подставкин употребил изрядную дозу разбавленного в коньяке нитроглицерина, написал предсмертную записку и готовился принять неизбежное, когда позвонила жена и сообщила, что обнаружила свекровь без сознания. Подставкин помчался домой. Кто знает, возможно, врачи скорой, ехавшие к его матери, оказали бы первую помощь и самому Подставкину, но вмешалась судьба со своей пресловутой иронией: незадачливый самоубийца угодил под машину и скончался на месте. На первый взгляд все было ясно: попытка суицида плюс несчастный случай – расследовать нечего. Даже девушка, сбившая хирурга, вышла сухой из воды, в том смысле, что обвинение ей не предъявили, да и пострадала она изрядно – из-за аварии потеряла слух, такого никому не пожелаешь.

На этом история должна была закончиться, но полгода спустя предшественник Андрея доказал, что предсмертная записка Подставкина – фальшивка. Довольно качественная, даже написанная рукой жертвы, но тем не менее хирург ее не оставлял. Позже в картине преступления проявились и другие зацепки, указывающие на убийство. Однако ни одного более-менее приличного кандидата в подозреваемые так и не нашлось.

Андрей не понимал, с какого конца подобраться к этому делу: копнул в одну сторону, другую – безрезультатно. Да и признаться, времени на раскопки не хватало, для этого нужно было как минимум сесть и хорошенько подумать, а как это сделать, когда нет минутки, чтобы носки сменить?

Так и висело дело Подставкина, дожидаясь своего часа. Андрей бесконечно искал поводы для продления сроков, а в те редкие минуты, когда рабочая нагрузка ослабевала, пытался разобраться, что же с этим Подставкиным произошло.

Именно в один из таких моментов случилось озарение: две недели назад Андрей проглядывал файлы жертвы, сохранившиеся в облаке, и зацепился за пару фотографий. Одна мысль догнала вторую, вторая толкнула третью, и вскоре нарисовался мотив. Дело сдвинулось с мертвой точки! Мотив потянул за собой подозреваемую, картинка потихоньку прорисовывалась, хотя многие фрагменты все еще скрывались в тумане, но процесс однозначно пошел.

Услышав новости, шеф вцепился в версию Андрея, как стареющая проститутка за последний шанс заарканить папика: «Подбирай хвосты, и баста! Закрывай это дело к чертовой матери!»

Андрей и сам не планировал затягивать, повторно опросил свидетелей, изучил улики, снова утвердился в собственной версии и уже был готов предъявить обвинение, но тут у подозреваемой нарисовалось алиби. Пришлось зайти с другого конца. Покрутив еще немного, Андрей понял, что преступников было двое, и на этот раз все окончательно сошлось. Тютелька в тютельку!

«Молодец боец! – обрадовался шеф, вызвав вчера Андрея еще до начала ночной смены. – Заканчивай эту бодягу, больше никаких продлений».

Рвение шефа было понятно: мать убитого напирала и требовала результата. От ее настойчивости выл уже весь следственный комитет.

«Подставкина каждый день жрет мой мозг! – распалялся шеф. – Поверь, ощущение не из приятных! Так что давай уже, давай! Заканчивай!»

Андрей едва не ответил, что прекрасно знает, каково это – когда кто-то жрет твой мозг. К счастью, сдержался. Степан Геннадьевич – мужик хороший, но даже хорошие мужики страшны в гневе.

«Принимай своих злодеев, проси ребят, пусть тряхнут их как следует. И чтобы к концу недели у меня на столе лежала как минимум одна явка с повинной».

– Явку с повинной им подавай, – проворчал Андрей, отпивая кофе. Содронулся, отставил кружку. Он давно подозревал, что бодрящим эффектом обладает вовсе не кофеин, а вкус напитка – попробуй не проснуться, когда вливаешь в себя такую дрянь. Взгляд упал на стикер, приклеенный к краю монитора. – Да твою ж мать!

Записка, оставленная самому себе, напоминала:

Ловкина, вторник, 09:00

Он совершенно забыл об этой бессмысленной, никому не нужной встрече. Интересно, чем руководствовался, пригласив свидетельницу на тот день, когда, как предполагалось, не должен работать? Видимо, смирился в глубине души, что выходные ему в ближайшее время не светят.

Андрей поправил очки и толкнул мышку, оживляя экран. До прихода Ловкиной оставалось полчаса – за это время можно накидать преамбулу к обвинительному заключению по другому делу. Если закончить с бумагами до двух часов дня, то получится сбегать домой, принять душ и пару часов поспать перед следующей ночной сменой. Почти полноценный отдых. Главное, чтобы встреча со свидетельницей не затянулась. Дернул же черт пойти у нее на поводу и согласиться пообщаться!

Это была та самая девушка, что случайно попала под раздачу: убить хотели Подставкина, а Ловкина ни за что ни про что лишилась слуха. Жутко, конечно, оглохнуть вот так, на ровном месте, и Андрей, ясно дело, Ловкину жалел. Но жалость жалостью, а работа работой – не должны эти плоскости пересекаться! Однако Андрей растерялся, дал слабину и теперь был вынужден тратить драгоценное время на бесполезные беседы.

Он позвонил ей вчера или позавчера... когда это было? Неважно. Позвонил, чтобы уточнить пару деталей, а Ловкина попросила ее принять, объяснив, что со слуховыми аппаратами по телефону сложно общаться. Андрей не смог отказать, не каждый же день опрашиваешь глухих! Пожалел, естественно, как только повесил трубку. Теперь придется тратить время на бессмысленные встречи. Хотя оставалась надежда, что Ловкина не придет. Сколько раз он с таким сталкивался: человек умоляет выделить для него время, а потом пропадает.

– Потому что люди – идиоты, сами не знают, чего хотят.

Он скопировал преамбулу из предыдущего обвинительного заключения, вставил в новый файл и принялся исправлять фамилии и даты. Миграция стандартных формулировок из документа в документ давно уже стала частью работы. Никакого разнообразия, да и откуда ему взяться, если происшествия, которые расследовал Андрей, не сильно отличались друг от друга: один сосед стукнул другого по макушке рукоятью топора, муж пырнул жену кухонным ножом, дочь задушила мать сорванными с бельевой веревки джинсами.

Сто процентов подобных инцидентов случались под воздействием алкоголя: пьяные, ничтожные, ничего собой не представляющие убивали таких же пьяных и ничтожных – противно, гадко, но куда деваться? Кто-то должен освобождать общество от экземпляров, которых людьми язык не поворачивается назвать. «Она меня спровоцировала», «он первый начал», «помню только, что взял нож, а дальше все как в тумане» – неискреннее нытье, бездарные отговорки, раз за разом, круг за кругом. Андрей по одному только внешнему виду обвиняемого мог догадаться, что он скажет и как будет себя вести. Заканчивались такие истории тоже всегда одинаково – полным признанием вины. Иногда сами приползали со словами «каюсь, начальник», иногда опера аккуратно втолковывали им, что отпираться бесполезно.

В подобных преступлениях не было изюминки, не было загадки или мало-мальской интриги – все предельно ясно: вот жертва, вот убийца, вот свидетель. Опросить, оформить, подшить, и вперед – к прокурору. Именно поэтому почти сто процентов уголовных дел закан-

чивались обвинительным приговором. А чем еще они могут закончиться, когда до суда все ясно? Пусть правозащитники до посинения кричат об обвинительном уклоне системы правосудия и жерновах, из которых невозможно выбраться, – практика наглядно доказывает, что невинные в эти жернова не попадают. Андрей допускал, что возможны исключения, но на уровне погрешности, не больше. К тому же, как известно, исключения лишь подтверждают правила.

Несмотря на предсказуемость и рутину, он не считал свою работу скучной, однако и интригующей ее при всем желании не мог назвать. Тяжелой, изнуряющей – легко, а в случае с делом Подставкина еще и геморройной: впервые столкнулся с преднамеренным убийством. Это вам не очередная бытовуха! Сложновато пришлось, но Андрей справился: сложил картину преступления, выдал обоим подозреваемым подписки о невыезде, заставил понервничать на допросе.

В результате женушка признала сто пятьдесят девятую, вот только по сто пятой – ни в какую! Муж ее тоже уперся рогом и вину отрицал. Андрея так и подмывало отправить обоих в изолятор – не из кровожадности или желания отыграться, а из практических соображений, ведь, как известно, ничто так не вправляет мозги, как пара-тройка дней за решеткой.

Мера не из приятных, но ее достаточно, чтобы такие вот «невиновные» наконец поняли: следователь не шутит. Спесь с них сходит, глаза открываются, приходит осознание, что за совершенное преступление придется заплатить. После этого и явка с повинной подписывается, и показания даются, и новые факты в деле открываются. Бывший «невиновный» либо продолжает отсидку, либо в благодарность за содействие отпускается на все четыре стороны вплоть до суда, после которого свобода для него превращается в нечто отдаленное, недостижимое и прекрасное.

Увы, в деле об убийстве Подставкина обстоятельства сложились иначе: Андрей пока не нашел повода посадить «невиновных» в СИЗО. И это обстоятельство его жутко раздражало.

Зазвонил телефон, Андрей поднял трубку.

– Голиченко слушает.

– Андрей Алексеевич, к вам Ловкина Вероника Семеновна, говорит, ей назначено, – отпарентовал дежурный.

– Проводи.

Все-таки пришла. Ладно, куда деваться, теперь важно отделаться от нее как можно быстрее.

Спустя пару минут в дверь постучали.

– Войдите!

Из коридора, заставленного коробками с бумагами, выглянула девушка с милыми кудряшками до плеч. Одета по последней моде: джинсы, футболка, медицинская маска.

– Здравствуйте. Можно?

– Проходите.

Андрей открыл ящик стола, глянул на собственную маску и тут же передумал ее надевать: лежащая рядом стопка белых листов подчеркивала, что заношенная маска свою белизну давно потеряла. Пожалуй, стоит купить новую.

– Вероника Семеновна, мне неловко, что заставил вас приезжать, да еще и в пандемию.

Девушка села на стул напротив.

– Поверьте, я с удовольствием. Наконец появился повод нарушить карантин и выйти из дома. Я очень плохо воспринимаю речь по телефону, а при личной встрече могу читать по губам.

Андрей мысленно отметил, что в таком случае надевать маску точно не стоит.

– Раз так, давайте пообщаемся. У меня всего пара вопросов.

– Да, конечно. Постараюсь рассказать все, что помню. – Ловкина поерзала, устраиваясь поудобнее.

Андрей открыл заготовленную папку, достал предыдущий протокол допроса. Те показания брал его предшественник, Андрею нужно было лишь уточнить пару моментов.

– Вы сказали, что познакомились с Власенко Сергеем Сергеевичем в больнице уже после аварии.

– Все верно.

– Скажите, как часто Власенко вас навещал?

Ловкина убрала волосы за ухо, и Андрей заметил слуховой аппарат, тонкой дугой уходящий за ушную раковину. Интересно, как с ней общаться? Может, говорить громче? Но пока она вроде прекрасно слышала, даже не переспросила ни разу.

– Сложно сказать, думаю, раз в два-три дня. Мы подружились, и он заходил в палату, когда дежурил. Тогда мне было довольно тяжело, а Сергей старался меня поддержать.

Андрей понимал, что «довольно тяжело» – это мягко сказано, на самом деле ей прилично досталось.

– Вы обсуждали с Власенко ту аварию?

Ловкина невесело усмехнулась.

– Знаете, я была не в том состоянии, чтобы что-то обсуждать. Не хотелось никого видеть. Говорить, когда себя не слышишь, – пытка, а не слышать других... тогда казалось, что хуже быть не может.

– Но вы сказали, что Власенко вас поддержал. Каким образом, если вы не общались?

– Через блокнотик, это было мое единственное окно в мир. Сергей приходил, садился у моей кровати, писал дурацкие шутки. Всячески пытался меня развеселить.

– Получалось?

– Тогда я этого не осознавала, но сейчас понимаю, что да. Его шутки помогали отвлечься.

– То есть темы аварии вы не касались?

Вопрос вышел наводящим, но Андрей не стал перефразировать, в конце концов запись он не вел, а в протоколе всегда можно откорректировать.

– Касались, но не напрямую. Сергей рассказывал, что раньше Подставкин уже пытался покончить с собой, но его спасли. А вот вторую попытку предотвратить не сумели. Ведь в то время все думали, что он пытался отравиться, никто убийство не подозревал.

– Как вы полагаете, Власенко чувствовал себя виноватым?

Ловкина помолчала немного.

– Он говорил... в смысле писал, что должен был все это предвидеть. Они с Подставкиным дружили. Наверное, корил себя за то, что не сумел ему помочь.

– А касательно вас? Испытывал ли он вину за то, что случилось с вами?

– Со мной? – Ловкина поморгала, явно не ожидая такой интерпретации событий. – Не знаю, никогда об этом не думала.

Андрей же как раз именно об этом и подумал, когда узнал, что подозреваемый постоянно торчал у ее больничной кровати. Все было предельно ясно: Власенко и его женушка убили Подставкина, пытаясь симитировать самоубийство, но вот незадача – случайной волной зацепило Ловкину и та потеряла слух. Именно поэтому Власенко подружился с ней и навещал ее в больнице – чувствовал вину из-за того, что произошло.

Беседу можно было заканчивать. Как и ожидалось, визит Ловкиной оказался пустой тратой времени, ничего нового она сказать не могла. Разговора по телефону с лихвой хватило бы. Даже оформлять протокол повторного допроса не имело смысла.

– Собственно, у меня все. Спасибо, что пришли, и еще раз извините, что потратил ваше время.

«Хотя еще вопрос, кто чье время потратил», – добавил Андрей про себя.

Ловкина, однако, домой не спешила.

– Андрей Алексеевич, скажите, вы и в самом деле считаете, что Сергей может быть причастен к убийству?

Андрей внимательно посмотрел на нее. Откуда она узнала? Он этого точно не говорил.

– Почему вы решили, что Власенко подозревают?

– Он заходил пару дней назад, рассказал, что был на допросе и что им с женой вручили подписки.

– Ясно. Наверняка клялся и божился, что невиновен?

Ловкина кивнула, и Андрей удовлетворенно хмыкнул:

– Они все так говорят.

– Я просто не понимаю... зачем ему убивать?

Андрей шумно выдохнул. Чего он точно не планировал, так это отвечать на вопросы любопытных обывателей, сующих нос не в свое дело. Но теперь по крайней мере понятно, почему она напросилась на встречу.

– Вероника Семеновна, у всех свои причины. Поверьте, у Власенко они были вескими. Придет время, вы все узнаете, а сейчас, если не возражаете... – Он выразительно покосился на экран, давая понять, что ему вообще-то нужно работать.

Но и этот жирный намек Ловкину не спровадил. Она, похоже, вообще не собиралась уходить.

– Надеюсь, у вас больше нет вопросов? – предпринял новую попытку Андрей.

Ловкина виновато отвела взгляд.

– Всего один.

Андрей откинулся на спинку кресла. Он мог бы прямо сейчас выставить ее из кабинета, но сдержался, потому что, несмотря на раздражение, жалел эту бедолагу. Закон давно уже заключил, что ответственности за ее увечье никто не несет – аварию признали несчастным случаем. Но это официально. По совести же ясно: тот, кто отравил Подставкина, виновен и в ее глухоте – одно привело к другому. Вот она и хочет во всем разобраться.

– Спрашивайте, – буркнул Андрей, злясь на самого себя за мягкотелость.

Не так-то просто отключить эмоции и перестать сочувствовать людям. С годами он, несомненно, прокачал этот навык, но мастерства пока не достиг. Может, оно придет после той самой заветной «пятерки»?

– Меня беспокоит записка. Подставкин написал ее во время первой попытки самоубийства, правильно?

Андрей не собирался раскрывать детали расследования, а потому ответил выжидающим взглядом. Ловкина помолчала секунду и продолжила:

– Подставкин пишет записку и пытается повеситься, но его успевают спасти. Четыре месяца спустя его убивают и подкладывают ту самую записку, желая выдать убийство за суицид.

Андрей не перебивал. Интересно, что еще ей известно? Он прекрасно знал, откуда у такой осведомленности растут ноги: отец Ловкиной был весьма успешным адвокатом и умел наводить справки, а предшественник Андрея не заморачивался из-за таких «пустяков», как тайна следствия.

– Значит, после того как Подставкина вытащили из петли, кто-то забрал записку, – рассуждала Ловкина, – и четыре месяца хранил ее у себя. Или же все это время записка была у Подставкина, пока кто-то ее не нашел, не прочитал и не узнал то, что толкнуло его или ее на убийство.

Ловкина могла бы не поднимать выразительно брови, делая акцент на слове «ее», Андрей и без того понял, на что она намекает: в предсмертной записке Подставкин признался, что изменял жене.

– Вы всерьез думаете, что я не рассматривал версию, будто его убила супруга?

– Уверена, что рассматривали. Но Подставкина находилась в тот вечер дома, а потому убить не могла. Не успела бы. Она звонила мужу с домашнего телефона, когда нашла свекровь без сознания. Но что, если это неправда? Что, если в тот вечер звонила не она?

Андрей шумно выдохнул. Жалость жалостью, но всему есть предел: беседу пора было заканчивать.

– Вероника Семеновна, я еще раз прошу меня извинить, но мне в самом деле нужно работать.

Ловкина стояла на своем.

– Андрей Алексеевич, пожалуйста, уделите мне еще две минуты. Дело в том, что Подставкиной не было в тот вечер дома и мужу она не звонила. Это сделала ее дочь.

– И откуда, позвольте поинтересоваться, вам это известно? – Андрей не пытался скрыть язвительность в голосе. Даже его недалекий предшественник сумел установить, кто кому и во сколько звонил.

– Сергей рассказал.

– Я так понимаю, речь о Сергее Власенко?

– Да.

– То есть о том, что жена убитого соврала следствию, вам известно со слов главного подозреваемого?

Ловкина нервным жестом убрала волосы за ухо, похоже, она и сама понимала, что ситуация пахнет бредом.

– Я знаю, как это звучит, и не представляю, чему верить. Поэтому и пришла. Вы же сможете выяснить, правда это или нет? Если Подставкина соврала, значит, позаботилась об алиби еще в тот момент, когда все думали, что ее муж пытался покончить с собой. Сергей говорит, что общался с ее дочерью и она рассказывала, что звонила в тот день отцу, потому что нашла бабушку без сознания, а матери дома не было.

Главный подозреваемый твердит, что невиновен, и переводит стрелки на других – конечно, это нужно проверить! Непременно. Андрей сделает это сразу после того, как впервые за пять лет выпитися и слетает в отпуск на Бали.

– Вероника Семеновна... – Он изо всех сил старался говорить вежливо. Не хватало еще схлопотать жалобу, а потом краснеть перед шефом, бормоча «не сдержался». – Послушайте, я понимаю, что вам порядком досталось...

Он замолчал, уставившись на Ловкину, и поймал себя на том, что забыл закрыть рот.

Стоп-стоп-стоп, у Андрея даже пальцы задрожали. Не от раздражения, нет, он вдруг понял, что едва не упустил подарок, который она ему принесла!

Андрей аккуратно выдохнул. Черт возьми... Кто бы мог подумать!

– То есть вы полагаете, что жена убитого обманула следствие?

Ловкина недоверчиво посмотрела на него, явно опешив от такой резкой смены тона. Она не могла не почувствовать, что он был готов ее послать.

– Да. Думаю, это можно доказать, если поговорить с ее дочкой.

Андрей сделал вид, будто размышляет. Теперь главное – не спугнуть, главное – все правильно оформить.

– То есть она узнала об измене мужа, решила его убить и убедила дочь обеспечить ей алиби. Что ж, вполне может быть... – Он изо всех сил старался, чтобы Ловкина поверила, будто ему и в самом деле все это интересно. – Я подозревал Подставкину, но доказательств против нее не нашел. Однако ваши показания многое меняют. Осталось убедить начальника, чтобы позволил мне продолжить расследование. Это дело, знаете ли, у нас у всех уже в печенках.

Тут Андрей душой не кривил, Ловкина это почувствовала и наконец улыбнулась – даже маска не могла это скрыть.

- Да, я прекрасно понимаю. Сама бы с удовольствием оставила все позади, но...
- Важно, чтобы убийца оказался за решеткой.

Ловкина кивнула, и Андрей понял, что уже победил. Осталось закрепить это документально.

– Давайте сделаем вот что. Вы сейчас еще раз все быстренько повторите, я оформлю протокол, а потом пойду к начальнику и попрошу дать мне немного времени, чтобы эту версию проверить. Уверен, он не откажет.

Полчаса спустя Ловкина ушла, оставив довольного Андрея наедине с протоколом ее допроса. Он смотрел на заветную бумагу и не мог поверить своему счастью. Все сложилось как нельзя лучше.

Он заполучил дудочку, под которую подозреваемый будет плясать как миленький, осталось только наиграть правильный мотив. Так что очень скоро каждый получит свое: шеф – явку с повинной и суд в упрощенном порядке, Андрей – закрытое дело и благодарность от начальства, Власенко – обвинение в убийстве и тюремный срок.

Глава 2. Ненадлежащее поведение

Путешествий в этом году не будет – теперь это стало окончательно ясно. Мир стремительно сходил с ума. Билеты в Черногорию превратились в ваучеры от авиакомпании, желание погулять и погреться на солнце – в несбыточную мечту. Даже посиделки в кафе в честь тридцатого дня рождения казались маловероятными.

Ника старалась мыслить позитивно и не поддаваться унынию. Может, оно и к лучшему? Она опрометчиво запланировала отпуск, когда у них с агентством только-только начинались отношения: новые клиенты, интересные задачи, бессонные ночи и ни с чем не сравнимое удовольствие от запуска очередного проекта. Кто же знал, что скоро конфетно-букетный период перерастет в предпринимательские будни? Урок на будущее: собственный бизнес и отдых – вещи несовместимые.

Поток бесполезных дел безжалостно забирал драгоценные минуты: счета, акты, договоры, отчеты в налоговую, ПФР и прочие инстанции. Такие задачи вместо прибыли приносили в лучшем случае нервотрепку, в худшем – штрафы за ошибки или несоблюдение сроков. Ника не жаловалась, пока ее подпитывала основная, креативная, работа, однако с началом пандемии креативность отправилась на самоизоляцию в неведомые края, а ее место заняла бесконечная рутина.

Все клиенты остановили рекламу. Ника сама это посоветовала, потому как при неопределенности лучше замереть, проанализировать рынок и скорректировать планы. Стратегия верная, и клиенты прислушались, вот только очевидные последствия били по самой Нике: новые проекты не появлялись, старые заморозились, в результате доходы упали практически до нуля. Приходилось хвататься за любую подработку.

В свободное время она шерстила интернет в поисках заказов. Бралась за все, что подвратится: тексты, логотипы, презентации, – лишь бы оставаться на плаву. Вот и сейчас, еще толком не проснувшись, сидела в кровати с ноутбуком на коленях и проверяла объявления на сайтах для фрилансеров. Бафка, свернувшись калачиком рядом, досматривала очередной сон. Порой Ника завидовала ее безмятежности, вот бы тоже валяться и ни о чем не думать! Однако человеческие тарелки, в отличие от кошачьих мисок, не пополняются чудесным образом, людям приходится грести изо всех сил, чтобы оставаться на поверхности. Расслабишься ненадолго – утонешь.

Осложняло ситуацию и то, что перед самой пандемией Ника арендовала офис. Угрозило же! Вот он – пример полного отсутствия предпринимательского чутья. Хорошо хоть не успела нанять копирайтера и дизайнера, что-то, а зарплату она бы точно не потянула.

Аренда сжирала большую часть того, что удавалось заработать, но Ника не могла решить, стоит ли от нее отказаться. Вдруг карантин закончится завтра? Тогда она потеряет место под офис, которое так долго искала. Вдруг пандемия продлится еще год? Тогда она так и будет отдавать деньги за простаивающую площадь. Вся эта неопределенность жутко раздражала.

Ника привыкла действовать по плану и злилась, когда вмешивались факторы, ей неподвластные. Открыв рекламное агентство, она продумала стратегию на полгода вперед, знала, к чему идет, мечтала об успехе. Но потом пандемия ворвалась в жизнь, атаковав сразу по всем фронтам. Намеченные цели полетели в тартарары, а Ника застряла на бездорожье и никак не могла скорректировать траекторию.

Вчерашний разговор со следователем Голиченко, с одной стороны, хоть немного отвлек от переживаний за бизнес, с другой – ударил по еще одной болевой точке. Дело Подставкина снова ворвалось в жизнь и грозило утянуть в бездну, на краю которой Ника балансировала последние годы. Нельзя было погружаться в темноту, но отвернуться не получалось – бездна затягивала, манила, обещая ответ на самый важный, самый мучительный вопрос: из-за кого

она лишилась слуха? Больше всего на свете Ника хотела, чтобы гад, виновный в ее глухоте, оказался в тюрьме.

Мог ли этим гадом быть Сергей, которого подозревал Голиченко? Ника не знала. Она давно усвоила, что зло порой скрывается в самых неожиданных местах, но никак не могла представить в роли убийцы этого нескладного, долговязого медбрата.

Сергей здорово поддержал ее после аварии: приходил в палату, писал в блокноте несмешные шутки и всячески старался расшевелить. Говорил, что работы все равно немного, так почему бы не посидеть с самой симпатичной пациенткой? Врал, конечно. Дел у медицинского персонала всегда хватало, но тем не менее Сергей находил время, чтобы к ней заглянуть.

Они не виделись с тех самых пор, как Нику выписали из больницы. Шутливый медбрат и все послеоперационные переживания остались в прошлом. Ника старалась не вспоминать о тех днях, однако прошлым летом папа разузнал, что следователь присматривается к Сергею: проверяет алиби и задает свидетелям вопросы. Ника тогда проходила маркетинговые курсы в Стамбуле и не успела толком переварить эту информацию. Позже оказалось, что версия против Сергея не подтвердилась. Папа так и не сумел выяснить, почему его подозревали и были ли какие-то улики. Следователя заменили, на его место пришел Голиченко, и поток информации оборвался.

Ника вернулась из Стамбула, и после той поездки в ее жизни разом случились два важных события: она уволилась из «Царской трапезы» и открыла собственное рекламное агентство, а Кирилл продал московскую квартиру и переехал в Краснодар. Наконец-то все складывалось чудесно и в работе, и в отношениях.

Конечно, хотелось больше свободного времени, чтобы проводить его с Кириллом, и вместе с тем хотелось больше интересных проектов, чтобы развивать агентство, – одна сфера жизни перевешивала другую, вторая то и дело отвоевывала внимание у первой. С трудом получалось заниматься всем и сразу, но до пандемии Ника часто ловила себя на мысли, что никогда еще не была так близка к той самой заветной гармонии. Все налаживалось. Впервые после аварии мысли о деле Подставкина на несколько месяцев вылетели из головы.

Однако три дня назад к ней в гости без приглашения пришел Сергей. Бездна снова распахнула объятия, и гармония, без того шаткая и ранимая, полетела в пропасть.

«Максим был моим другом! – повторял Сергей, сидя у нее на кухне. Его распушившиеся кудряшки забавно подпрыгивали, когда он мотал головой, словно стараясь прогнать наваждение. – Это какой-то сюр, я будто уснул и никак не могу проснуться. Зачем нам с Альбиной его убивать?! Почему следователь нас подозревает?!»

Ника не знала, что ответить, и уж точно не хотела во все это лезть. Но Сергей пришел не для того, чтобы излить душу, он просил помощи: «Следователь вцепился в нас мертвой хваткой, настаивает, чтобы написали явку с повинной. Говорит, точно сядем, а признание поможет скостить срок. Не представляю, что делать. Ника, я не убивал Максима! Но чтобы это доказать, мне нужен самый лучший адвокат!»

Под «лучшим» Сергей подразумевал отца Ники, знал, что в уголовных делах ему нет равных. На счету Семена Анатольевича Ловкина было целых двенадцать оправдательных приговоров. На первый взгляд – жалкие крохи, за тридцать-то лет адвокатской практики, но к такому выводу придет лишь человек, никогда не сталкивавшийся с системой правосудия.

По статистике, менее процента уголовных дел в России заканчивались оправдательным приговором, то есть стоит попасть под раздачу – почти гарантированно сядешь. Однако личная статистика побед отца Ники приближалась к десяти процентам – это если говорить о победах «чистых», но оправдание не единственный способ оставить сторону обвинения с носом. Папа добивался возврата дел прокурору, переквалифицировал статьи, что позволяло заменить реальный срок на условный, а то и вовсе обойтись штрафом, пару раз рушил обвинение еще до суда – все это дарило его клиентам свободу и портило противнику кровь.

Понятно, почему Сергей так хотел, чтобы именно Ловкин его защищал, однако Ника не спешила подключать отца: убийство Подставкина и без того потрепало их семью нервы. Два года назад смерть хирурга пытались повесить на нее: сбила пешехода и тот скончался на месте – считай, убила. Плевать, что Подставкин уже был при смерти и сам выскочил на дорогу; плевать, что она в той аварии потеряла слух. Неумолимая статистика гласила: водитель практически всегда виновен в смерти пешехода, и большая удача, если удастся доказать обратное.

Так что без помощи папы Ника осваивала бы слуховые аппараты за решеткой. Он присутствовал на следственном эксперименте и сумел добиться, чтобы аварию признали несчастным случаем. Следствие установило: Ника не могла предотвратить смерть Подставкина – однако заключение эксперта шло вразрез с вердиктом собственной совести.

Иногда ей все еще снилась та авария, но гораздо реже, чем раньше, к тому же сны перестали быть четкими, яркими, порой даже превращались в контролируемый кошмар, и Ника сама выбирала, в какой момент проснуться. В реальности приходилось хуже – воспоминания догоняли и не щадя наносили удары: раз за разом она вдавливала педаль тормоза, раз за разом выкручивала руль, раз за разом представляла, как бы все сложилось, заметь она Подставкина секундой раньше.

Свoločь, два года назад подстроившая все это, была в ответе не только за ее инвалидность и смерть хирурга – из-за этого гада Ника переживала те события снова и снова. Возможно, станет легче, когда виновный окажется в тюрьме.

Заметив, что экран погас, Ника отложила ноутбук, заскучавший от бездействия хозяйки, и пошла на кухню. Не мешало бы позавтракать, а поиск заказов можно продолжить позже.

Аромат кофе прочно впитался в стены, мебель и шторы, что не удивительно: став приемателем, Ника перешла на тяжелую артиллерию – двойной эспрессо вместо капучино, макиато вместо латте. Как любил повторять Кирилл: кофе в малых дозах полезен в любых количествах.

Ему-то Ника и послала видеовызов, попутно пряча за ворот пижамы стример – прямоугольное устройство, висящее на цепочке на шее.

Возможно, ей казалось, что Кирилл мрачнеет, видя эту элегантную вещицу. Возможно, дело было в том, что каждый раз надевая стример, она сама погружалась в тяжелые воспоминания. Как бы то ни было, прятать устройство давно уже стало привычкой.

Конечно, это был вовсе не тот стример, которым она пользовалась в Стамбуле! Кирилл подарил ей новый, а прежний бросил в Босфор, желая вслед за ним утопить воспоминания. Не сработало. Памяти оказалось все равно, каким устройством пользуется Ника. Новый стример – еще более продвинутый и еще более незаменимый – не только передавал звук с телефона напрямую на слуховые аппараты, но и не давал забыть, как близка она была к тому, чтобы вернуться из Стамбула в цинковой коробке¹.

Секундой позже самый любимый человек на свете улыбнулся с экрана. Его черные, отросшие за время пандемии волосы топорщились во все стороны. Сейчас он напоминал того самого неопрятного парня, с которым Ника познакомилась в самолете, летящем из Москвы в Барселону. Не хватало только жуткой бороды и отсутствующего взгляда – вместо этого подбородок Кирилла украшала аккуратная щетина, а глаза светились теплотой и заботой.

– Привет! – Ника села за стол и пристроила телефон между сахарницей и солонкой.

– Привет! – В десяти километрах от нее Кирилл тоже сидел на кухне: за его спиной виднелись белые шкафчики и холодильник. – Что нового?

– Все по-прежнему. Скучаю.

– Я тоже.

¹ Эта история рассказана в романе Анны Ореховой «Стамбул. Подслушанное убийство», ЭКСМО, 2022.

Они смотрели друг на друга и – Ника не сомневалась – чувствовали одно и то же: радость встречи и тоску из-за того, что эта встреча невозможна офлайн. После того как объявили карантин, Кирилл застрял в пригороде, Ника – в Краснодаре, они не виделись уже больше месяца, созванивались несколько раз в день, засыпали с телефоном, просыпаясь, первым делом желали друг другу доброго утра, но ни один даже самый высокоскоростной интернет не мог заменить живые объятия, которых им так не хватало.

– Не выпалась? – Кирилл поправил очки. – Выглядишь уставшей.

В последнее время Ника и в самом деле нагружала себя больше обычного – переживала, что не справится с грузом предпринимательства и снова будет вынуждена работать по найму. Кирилл уже несколько раз предлагал взять на себя арендные расходы, но Ника не соглашалась – дело было не в гордости или упрямстве, ей нужно было доказать самой себе, что сумеет укротить бизнес. Иначе зачем было увольняться из «Царской трапезы»?

– Выпалась, не переживай, просто с утра работала. Мониторила фриланс, рассылала заявки. Сейчас кофе попою и буду придумывать слоган для производителя туалетной бумаги. Пока в голову лезут одни пошлости.

Кирилл усмехнулся.

– Даже не знаю, чем тебе помочь. Но ты спрашивай, туалетная тема в моей жизни в последнее время очень актуальна.

Они обменялись понимающими взглядами. Кирилл приобрел дом в пригороде со всеми причитающимися бонусами: туалет на улице, летний душ, продуваемая со всех сторон пристройка для кухни. Он лишь недавно завершил ремонт и перенес удобства внутрь, а до этого наслаждался всеми прелестями сельской жизни.

– Да тут особо ничего не придумаешь, для потребителя важно соотношение стоимости бумаги и количества слоев. Однако клиент просит выдать что-нибудь незаурядное. Вся надежда на кофе. Кстати, о нем. – Ника встала из-за стола. – Я сейчас.

Кирилл заглянул в чашку.

– Пожалуй, мне тоже нужен рефил. В смысле новая доза.

Ника улыбнулась, она так часто подкалывала Кирилла за любовь к иностранным словам, что он приобрел новую привычку – подбирать русские аналоги. Ника же, наоборот, опылилась от него и теперь все чаще сыпала англицизмами.

– Let's do it², – хмыкнула она, доставая из упаковки капсулу эспresso.

Кофемашины, разделенные непреодолимыми километрами, почти синхронно зажужжали.

Каждое утро Ника наслаждалась завтраком в компании Кирилла и чувствовала, как тоска становится все сильнее. Когда уже снимут ограничения и позволят им быть вместе!

Они планировали съехаться еще до начала пандемии, но чуть-чуть не успели. Кирилл хотел завершить ремонт, чтобы им было комфортно. В результате наслаждался новенькой ванной комнатой в одиночестве и говорил, что предпочел бы обходиться без унитаза, но не расставаться с Никой. Она бы тоже наплевала на все удобства, лишь бы быть вместе. Но кто мог знать, что случится такое?

Ника вернулась за стол, держа кофейную чашку, от которой исходил умопомрачительный аромат и едва заметный пар.

– Я вот думаю, стоит ли позвонить Сергею? Сообщить, что я встречалась с Голиченко?

Кирилл поморщился.

– Перебьется! Ты и без того сделала больше, чем планировала, дальше пусть разбирается сам.

² Давай сделаем это (англ.).

Когда Ника рассказала о визите Сергея, Кирилл долго ругался: «Мужика обвиняют в убийстве, а он приперся к тебе домой! Зачем ты егопустила?! Неизвестно, что у этого типа на уме!»

– Все-таки позвоню. Он должен знать, что Голиченко продолжит расследование, заодно скажу, что не буду просить папу браться за это дело. Как-то неправильно просто промолчать.

– Неправильно шастать по чужим квартирам! Особенно в карантин.

Ника улыбнулась. Кирилл, конечно, перегибал палку, но ей было приятно, что он за нее переживает.

– Ты такой милый, когда ворчишь.

– Обалдеть, я еще и милый. Между прочим, это ни разу не комплимент. Пойду сделаю какой-нибудь бутерброд, видимо, я еще толком не проснулся, вот и кажусь тебе милым.

Кирилл исчез с экрана. Ника понимала, что его ворчание – напускное, он больше волнуется, чем злится, хочет оградить ее от переживаний, поэтому и настаивает, что дело Подставкина нужно оставить позади. Ника не спорила, однако признать логику доводов – это одно, и совсем другое – заставить эмоции уюмониться. Ей не давал покоя рассказ Сергея о звонке, насчет которого соврала Подставкина. Раз за разом она перебирала те немногие факты, которые знала об этом деле, и не могла избавиться от мысли: «Возможно ли, что хирурга и в самом деле отравила собственная жена?»

Два года назад Светлана Александровна Подставкина обвиняла Нику в смерти мужа и не успокоилась, даже когда аварию признали несчастным случаем, – прислала письмо с короткой, но емкой фразой:

Так просто не отделаешься, тварь

Что на самом деле являлось причиной ее обвинений и угроз? Горе? Желание на ком-то отыграться? Или стремление отвести подозрения от себя? После визита Сергея Ника задумалась: что, если Подставкина взъелась на нее не из-за смерти мужа? Что, если она злилась, потому что та авария разрушила идеальный план представить все как самоубийство?

Когда Сергей ушел, Ника позвонила сначала Кириллу, потом папе и получила два противоположных мнения. Кирилл настаивал, что Сергей должен рассказать следователю все, что знает, потому как утаивание информации мешает расследованию. Папа заявил, что как адвокат посоветовал бы Сергею молчать, иначе показания гарантированно используют против него самого.

Так уж совпало, что на следующий день позвонил Голиченко, и эмоциональная чаша весов стремительно поползла вниз. Недолго думая, Ника напросилась на встречу. Она была уверена, что следователя заинтересует вранье Подставкиной. Два года назад все считали, что хирург пытался покончить с собой, а его жена, выходит, заранее пыталась обеспечить себе алиби? Зачем она присвоила тот звонок? Почему не сказала, что это дочь нашла бабушку без сознания?

Однако Ника не сообщила Голиченко кое-что еще и теперь сомневалась, что поступила правильно.

– Как думаешь, стоило сказать следователю о записке?

Кирилл уже вернулся за стол и поставил рядом тарелку с бутербродом. На поджаренном тосте красовались кусочки ветчины и помидора.

– Уверен, Голиченко в состоянии это выяснить. Возможно, уже выяснил. Тем более ты ничего толком не знаешь, мало ли что Власенко наплел, зачем передавать следователю его слова? Ты и без того уже выступила посредником. Пусть теперь сам рассказывает все, что знает.

Ника отпила кофе и подвинула поближе вазочку с печеньем.

– Папа бы с тобой не согласился.

– Не сомневаюсь, у него особое отношение к следователям и полицейским.

– Есть такое. Если бы я сказала, что пойду к Голиченко, он бы связал меня по рукам и ногам, потому что стоит войти в кабинет следователя, как убийство тут же повесят на тебя.

Кирилл усмехнулся.

– Профдеформация.

– У папы? Однозначно.

Он и в самом деле слишком часто сталкивался с несправедливостью, а потому повсюду искал подтасовки и ложь. Полицейские у него четко ассоциировались с некомпетентностью, а следователям он доверял примерно как надписям на заборе. Однако именно из-за его отношения к «засадительной системе левосудия» (папа называл ее так и никак иначе) Ника решила перестраховаться и не сказала Голиченко о записке.

В этой истории все было запутанно дальше некуда: одно цеплялось за другое и выворачивало наизнанку третье. Подставкин многопил, против него шел судебный процесс, а юристы больницы, вместо того чтобы поддержать своего сотрудника, наоборот, старались переложить вину за смерть пациента на него. Подставкин не выдержал и однажды, напившись до чертиков, полез в петлю. К счастью, его вовремя обнаружили и спасли.

Сергей рассказал, что помчался в кабинет друга, как только узнал о случившемся. Подставка уже увезли, а на столе лежала записка, в которой хирург прощался с семьей и признавался жене в измене. Сергей забрал записку, потому как понимал, что будет, если Подставка ее прочитает.

«Когда Максима выписали, – рассказывал он, – я вернул записку ему. Видимо, все это время она хранилась у него. Но четыре месяца спустя ее кто-то нашел, отравил Максима и обставил все как самоубийство. Я не хочу в это верить, но лишь одного человека написанное там могло так сильно разозлить».

Жену хирурга. Если прибавить к этому ее ложное алиби, картинка получалась настораживающей. Может, все-таки стоило рассказать Голиченко о том, что Сергей забрал ту записку? Но этим Ника могла усилить подозрения против самого Сергея: раз забрал записку, то вполне мог и сохранить, чтобы в нужный момент подбросить. С другой стороны, сведения о записке указывали на возможную причастность Подставкиной. С третьей стороны, прав Кирилл: следователь сам в состоянии это выяснить. Ника, по сути, ничего не знала...

– Ну, ты чего? – голос Кирилла вывел ее из раздумий. – Хватит переживать. В конце концов, ты добила главного: расследование продолжат и все как следует проверят.

– Да, ты прав. Просто сложно переключиться на что-то другое.

– Давай я тебе помогу. Хочешь хорошую новость?

– Очень хочу.

– Ромику выдали красный пропуск!

– Да ладно? – Новость была не просто хорошей. Замечательной! – Значит, и тебе скоро выдадут!

– Надеюсь. Оказывается, пропуск Ромика уже неделю как пришел и все это время пылился в почте. А мой, похоже, застрял где-то в электронной пробке.

– Что за лажа...

– Не то слово. Но уже хоть какой-то прогресс.

Ника печально улыбнулась. Как же надоела эта бесконечная бумажная волокита! Интересно, что случится быстрее: закончится карантин или Кириллу выдадут наконец заветную бумажку? Они с Ромиком подавали заявление одновременно – почему Ромику пропуск выдали, а Кириллу нет?

– Бесит все это, – пробурчала Ника. – Никогда ничего по-человечески не работает.

– А меня больше всего бесит, что я уже месяц не могу тебя обнять! – Ника тяжело вздохнула, ей тоже очень хотелось прижаться к Кириллу. Они были так близко и одновременно непреодолимо далеко. Кирилл жил в пяти минутах езды от центра Краснодара, но территории

ально его поселок относился к Адыгее. Для пересечения границы региона требовался особый красный пропуск, именно его вот уже месяц ждал Кирилл.

Он подал заявку почти сразу после объявления пандемии. Тогда в крошечное помещение набилась толпа из желающих оформить заветную бумажку.

В толпе Кирилл встретил Ромика, бывшего начальника Ники. Он тоже решил оформить пропуск, чтобы без проблем ездить на дачу. После того случая Ромик и заболел. Хорошо хоть успел вернуться в Краснодар, иначе загремел бы в поселковую больницу. До сих пор лежал в красной зоне в тяжелом состоянии: двусторонняя пневмония, курс антибиотиков, потеря обоняния и вкуса – полный набор.

А Кириллу хоть бы хны! Он даже тест на антитела сделал, думал, может, переболел бессимптомно. Но нет, никаких признаков ковида. И как после этого верить в его высокую контагиозность, о которой твердят со всех экранов? С другой стороны, не верить в опасность вируса тоже нельзя, пример Ромика это подтверждал наглядно: молодой парень, а едва откачали.

– Теперь у Ромика пропуск есть, но воспользоваться им он не может, а у меня пропуска нет, и хоть вой от тоски.

– Может, это ему компенсация? Вселенская справедливость: не повезло с ковидом, но улыбнулось с пропуском.

– Ну ее в баню, такую справедливость. Я, конечно, соскучился люто, даже не предполагал, что вообще можно так по кому-то скучать. Теперь вою не только по ночам, но и целыми днями. Герка уже не реагирует, смирилась с тем, что хозяин окончательно сбрендил. Но, с другой стороны, менять пропуск на здоровье – идея так себе. Боюсь, в состоянии полуживого овоща не смогу тебя толком обнять, а я, между прочим, планирую при первой же возможности задушить тебя в объятиях.

В подтверждение сказанного Кирилл обхватил себя руками и прищурился, как довольный кот. Дурачиться и скучать – единственное, что оставалось. Ника знала, что стоит им встретиться – уже никакая пандемия никогда не сможет их разлучить. Когда этот апокалипсис закончится, они каждую минуту будут проводить вместе.

Кирилл вдруг нахмурился, что-то смахивая с экрана телефона.

– Звонит кто-то? – догадалась Ника.

– Ага, я потом перезвоню. Давай лучше подумаем над... – он снова смахнул уведомление с экрана, – над слоганом для туалетной бумаги.

– Кто там к тебе пробивается?

– Да неважно.

Будь неважно, он бы рассказал. С каких пор у них появились секреты?

Кирилл перехватил ее взгляд и с явной неохотой признался:

– Это Леха, помнишь, мой друг из Москвы?

– Помню, но не пойму, почему ты его от меня скрываешь?

Друг Кирилла работал в московской прокуратуре, они с Никой не были знакомы, но именно Леха помог им советом прошлым летом, когда в Стамбуле Нику едва не обвинили в убийстве.

– Я не скрываю. Просто... не хотел снова поднимать эту тему. Я попросил Леху навести справки по делу Подставкина.

Новость была неожиданной. Значит, Кирилл решил разузнать подробности? Жалко, что втайне от нее.

– Почему не сказал?

– Я ему позвонил еще до твоей встречи со следователем. Ты сомневалась, подключать ли Семена Анатольевича, вот я и подумал, что Леха может выяснить, насколько серьезные против Власенко улики. Но теперь это неважно.

– Как это неважно?!

– Мы же все выяснили. Голиченко продолжит расследование, проверит Подставкину. Можно расслабиться и жить спокойно.

Ника прекрасно понимала, что происходит. Кирилл берег ее чувства – хотел сначала сам поговорить с Лехой, а потом решить, передавать ли добытые сведения ей. Забота – это, конечно, приятно, пока она не становится излишней и не начинает раздражать.

– Пожалуйста, не надо меня опекать.

– Я и не собирался.

– Да? Тогда звони Лехе, и мы вместе с ним поболтаем.

Кирилл шумно выдохнул.

– Не переживай за меня, – Ника заговорила мягче. – Поверь, неизвестность изматывает куда сильнее.

– Верю. – Кирилл несколько раз коснулся пальцем экрана. – Ладно, звоню.

– Спасибо. И за то, что попросил Леху навести справки.

Кирилл улыбнулся, но не успел ответить: Леха принял вызов, экран разделился пополам.

– Привет, Кириух! Ох, елки, ты не один!

Он исчез из кадра так же быстро, как появился. Ника успела заметить только промелькнувший голый торс, который быстро сменился белым потолком.

– Мог бы предупредить! – донесся голос из-за кадра, а через пару секунд потолок снова дернулся, и теперь им с экрана улыбался мужчина с собранными в хвост светлыми волосами, в красной футболке и с капельками пота на лбу. – Добрый день. Вы, наверное, Ника? Простите за такое зрелище, но ваш бойфренд застал меня врасплох.

– Прямо уж врасплох, – усмехнулся Кирилл. – Сколько там кубиков? Восемь?

– Шесть. Но кто считает?

Леха тоже довольно улыбался, он только притворялся возмущенным, а на деле вовсе был не прочь продемонстрировать пресс.

– Это у тебя там беговая дорожка? – Кирилл присмотрелся к экрану.

За спиной Лехи и в самом деле виднелся тренажер.

– Ага, она самая. Помнишь, мой кабинет на даче? Я его модернизировал. Поставил дорожку, купил гантели. Вчера вон новый агрегат привезли. – Он сдвинулся вправо и чуть повернул камеру. – Три в одном: турник, упор для пресса и брус. Как раз опробовал, когда вы позвонили.

– Уже завидую.

– Ну так приезжайте, как закончится пандемия. Я тебя давно зову. И вас, Ника, между прочим, тоже. Надеюсь, Кирилл мое приглашение передал?

– Передал, мы планировали приехать в начале апреля, но не срослось. – О сорвавшейся поездке в Москву даже вспоминать не хотелось. Карантин бил по всем фронтам, и главный удар пришелся по самому больному – слуху: операция по установке кохлеарного импланта отодвинулась на неопределенный срок. – Давайте на «ты»? А то чувствую себя чересчур важной.

– Давай. – Леха вытер лоб полотенцем. – У вас там уже небось всю лето?

– Сегодня двадцать девять. – Ника с тоской посмотрела на закрытое окно.

В квартире работал кондиционер – сезон жары в этом году начался рано, значит, о свежем воздухе можно забыть. Впереди как минимум три месяца духоты. Весна для Краснодара – редкость, после дождливой зимы кто-то дергает тумблер, и город за одну ночь перепрыгивает из «плюс четырнадцати» в «плюс тридцать».

– Везет же людям! Блин! Короче, надо покупать дом в Сочи. На фиг эту Москву. У нас двенадцать, ветер и опять дождь!

– Дом в Сочи? Really³? – хмыкнул Кирилл. – Видел, какие там цены? Придется продать квартиру вместе с дачей, и то не факт, что хватит. Или я недооцениваю зарплату прокурора?

– Да какое там недооцениваешь, в ипотеке все: и квартира, и дача. Машина тоже в кредите. А насчет прокурора... я ж уволился. Еще в январе.

– Да ладно?! Как так?

– Ну вот так. Сглупил, конечно, стоило задержаться еще ненадолго, но кто ж знал, что наступит такая халява? Сиди на даче, работай удаленно, а зарплата капает. Хотя я и так на даче сижу, только без зарплаты.

– А чего уволился? И почему раньше не сказал? Теперь я чувствую себя плохим другом.

Кирилла явно ошарашила новость. Он всегда говорил, что Леха – прокурор от бога, и пророчил ему вершину карьерной лестницы.

– Да задолбало все, Кирюх, веришь? Вот нет больше сил. После Нового года понял, что сдохну на работе, так и не начав жить. Мишка уже в третий класс пошел, а я ни разу в его школе не был. Не говоря уже о том, чтобы с пацаном в футбол поиграть или в этот его майнкрафт, будь он неладен. Ну и вот, теперь играю. На рыбалку хожу, огородом занимаюсь.

– Так ты совсем не работаешь, что ли? Или в поисках?

Леха отвел глаза и смущенно пробормотал:

– Да нет, работаю.

Ника с интересом наблюдала, как Кирилл по крупице вытаскивает из друга информацию.

– А что делаешь? Устроился куда-то удаленно?

– Не то чтобы устроился...

Кирилл подождал немного, но продолжения не последовало.

– Лех, ты если не хочешь рассказывать, так и скажи, я отстану.

Леха скрестил руки на груди и произнес с вызовом:

– Книгу я пишу.

– Книгу? – удивился Кирилл, да и Ника не ожидала такого поворота. – Ты серьезно?

– Серьезно. Всю жизнь мечтал и вот решился.

Кирилл моргнул, поправляя очки.

– А о чем пишешь? О работе российской прокуратуры?

Леха недоуменно уставился с экрана, а потом заржал так заразительно, что Ника тоже не смогла сдержать улыбку. Да и Кирилл улыбался, хотя причина веселья пока была неясна.

– Издеваешься? – прохрюкал Леха. – Я ж сказал, что хочу начать жить, а не с собой покончить. Про прокуратуру! – Он откинулся на спинку кресла, отдышался и продолжил: – Ну ты даешь! Фантастику я пишу. Про парня, научившегося путешествовать во времени. Но в чем-то ты прав, он бывший прокурор.

– Путешествует и исправляет судебные ошибки? – предположила Ника.

– Не-е-е... это ж фантастика, а не сказка, тут правдоподобность важна. Он наверстывает упущенное, общается с сыном, которого из-за своей работы почти не видел.

– Значит, автобиография, – усмехнулся Кирилл. – Дашь почитать?

– Да запросто, скину ссылку. Я пишу и сразу публикую, по главам. Правда, за доступ придется заплатить сто тридцать рублей.

– Ради тебя готов разориться!

– Я тоже почитаю. – Нике и в самом деле было интересно, к тому же хотелось поддержать начинающего писателя. – Кидай ссылку, размещу в соцсетях, наверняка, кто-то заинтересуется. И отзыв обязательно напишу.

³ Правда (англ.).

– Вот! Сразу видно маркетолога! – расплылся в улыбке Леха. – Спасибо! Может, еще какую рекламу посоветуешь? А то меня пока читают три калеки, даже тысячу в месяц не зарабатываю. Но зато кайфую от процесса.

Нику так и подмывало спросить, на какие шиши Леха живет, да еще и покупает спортивные тренажеры, но не будешь же лезть к малознакомому человеку с такими вопросами.

Однако Кирилл правила приличия не сковывали.

– А живете вы на что?

Леху прямой вопрос не смутил.

– Отложил кое-что, но в основном на зарплату Оксанки. Мы теперь современная семья: я сыном занимаюсь и строю писательскую карьеру, она зарабатывает. Дала мне на раскочку два года.

– Круто! Рад за тебя, как допишешь, жду бумажный экземпляр с автографом!

– Заметано!

– А я подумаю насчет рекламы, – пообещала Ника.

– Спасибо, други. Фух, рассказал вам, и сразу легче стало, боялся, что смеяться будете. Я ж пока инкогнито пишу, кроме Оксанки никто и не в курсе.

– Стесняешься, что ли? На тебя не похоже.

– Знаю, что не похоже, просто это слишком личное. Я же душу на бумагу выкладываю, не хочу, чтобы туда кто-то плюнул. Никогда не думал, что так трепетно буду к этому относиться. Но это... не знаю, как объяснить. Каждая строчка дорога, если какой урод коммент нелестный напишет, по полдня отхожу. Люди же не задумываются, что по ту сторону экрана живой человек и ему тяжело читать всякие гадости. Поэтому теперь комментарии просматриваю только по утрам в воскресенье, к понедельнику прихожу в себя и снова могу работать. Наверное, поэтому и не распространяюсь, если бывшие коллеги подтянутся... Кстати! Я чего звоню! Ты же просил справки навести.

– Просил, но я не знал, что ты уже в прокуратуре не работаешь.

– Ну это не помешало мне разузнать о вашем деле. Связи-то остались.

Ника подобралась. Когда Леха заговорил о писательской карьере, она решила, что информации о Власенко не будет. Однако он все-таки что-то выяснил.

– Мне ситуацию только в общих чертах обрисовали. Следовательно, работающий над делом, следит, чтобы ребята не болтали, но кое-что просочилось. Подозреваемых в деле двое – муж и жена. Им вменяют мошенничество и покушение на убийство. Они вроде как мошенничали с зарплатами, убитый их раскрыл, вот они на его жизнь и... как правильно? Покусились?

– Покусились? – заржал Кирилл. – А ты точно писатель?

– Иди ты знаешь куда! – загоготал Леха. Похоже, они привыкли подтрунивать друг над другом.

– Ладно-ладно, не придираюсь. Но я не понял, почему покушение? Хирурга же убили.

– Тут тонкая грань. Они его отравили, но от отравления он скончаться не успел, потому как попал под машину. То есть обвиняемые не сумели завершить начатое по независящим от них причинам. Это и называется покушение.

– Черт ногу сломит, – хмыкнул Кирилл, и Ника была с ним согласна.

– А что насчет улики? – спросила она. – Есть доказательства, что это и в самом деле устроили Сергей и его жена?

– Конкретные улики перечислить не могу, потому как такую информацию мне не сообщили, да я и спрашивать не стал, чтобы никого не подставить. Тайна следствия не шутки. Но птичка чирикнула, что жена признала мошенничество, однако у нее алиби на момент убийства, поэтому мужа и подтянули, вроде бы против него что-то серьезное есть. Им обоим вручили подписки о невыезде, а вчера следователь подал ходатайство о замене для мужа подписки на арест.

Ника растерянно посмотрела на Леху.

– Как это?

– Ну как? Была подписка, а теперь посадят в СИЗО.

– Но он же... – Новость никак не вязалась с их вчерашней беседой с Голиченко. – Не понимаю. Голиченко планировал возобновить расследование!

Теперь пришел черед Лехи растерянно смотреть на Нику.

– Уверена? У меня другие сведения. Расследование, считай, завершено, следователь подбивает концы и планирует направить материалы прокурору, а подозреваемый нарушил условия подписки, поэтому отправится в СИЗО.

– Нарушил условия? – удивился Кирилл. – Вот дурень! И куда он сбежал? Хотя меня больше интересует, как он смог сбежать, когда блокпосты на всех выездах из города?

– Он не сбежал, Кирюх. Подписка о невыезде – это не только про побег, не зря она называется «подписка о невыезде и надлежащем поведении». Он нарушил условия, пообещавшись с кем-то из свидетелей, это расценивается как давление. Следователь об этом узнал и воспользовался, чтобы отправить обвиняемого в изолятор. Надо признать, красивый ход.

Смысл сказанного дошел до Ники не сразу. Она наблюдала, как Кирилл медленно снимает очки, как Леха чешет затылок, переводя взгляд сначала вправо, потом влево.

– Вы чего такие? Я что-то не то сказал?

Ника покачала головой. Дело было не в том, что сказал Леха, а в том, что натворила она. Как же так... Поперлась к Голиченко, радовалась, что он ее выслушал и согласился проверить Подставкину. Но следователь обвел ее вокруг пальца. Пообещал продолжить расследование и убедил дать показания. Плевать он хотел на то, что Подставкаина соврала о том звонке. Скорее всего, он вообще этому не поверил! Не собирался изучать эту версию, вообще ничего не собирался делать. Его заботило только одно – получить от Ники свидетельство того, что Сергей встречался с ней, будучи под подпиской. И она это свидетельство дала, поставив подпись под показаниями.

Выходит, она предоставила следователю основание изменить меру пресечения, и именно из-за нее Сергей отправится в следственный изолятор. Ника не представляла, как все исправить, и подозревала, что исправить уже ничего не получится. Был только один человек, способный вытащить Сергея из ямы, в которой она помогла ему оказаться.

Похоже, пришло время звонить папе.

Глава 3. Должен быть выход!

Закат сегодня выдался умопомрачительный. Небо очаровывало теплыми красками, огромное красновато-оранжевое солнце окрашивало облака в розовый и медленно катилось за горизонт, даря миру покой и умиротворение. Пустырь, на который открывался вид с балкона Сергея, погружался в сумерки, где-то вдалеке квакали лягушки, ветерок нежно поглаживал волосы, снизу из открытых окон доносился джаз.

Этот вечер мог быть идеальным, но в душе Сергея не было ни тепла, ни спокойствия, кривая отчаяния стремительно ползла вверх. Его подозревали в убийстве. Даже любимый балкон, его островок комфорта и безопасности, не мог утихомирить тревогу, зреющую в груди и стремящуюся перерасти в самую настоящую панику.

Его подозревали в убийстве!

Это не укладывалось в голове, воспринималось как вымышленная реальность. Что дальше? Его осудят и отправят в тюрьму?! При одной только мысли о заключении все внутри холодело и сжималось. Сергей знал, что и дня не протянет в клетке, просто свихнется. Даже пандемийные ограничения давались тяжело, как он выживет за решеткой?! Нет, это просто невозможно.

В бокале постукивали кубики льда. Сергей облокотился на кованые перила, закрыл глаза и сосредоточился на этом звуке, стараясь отстраниться от пугающих мыслей. Он больше не мог паниковать и метаться в поисках решения, ему требовался перерыв, крошечная передышка, чтобы выдохнуть и прийти в себя.

Шотландский виски, пять лет назад привезенный из Эдинбурга, где Сергей с Альбиной отмечали медовый месяц (точнее, медовую неделю, на которую ушел весь бюджет), наконец дождался своего часа – бутылка была почата, дорожный напиток разлит, жаль только, повод выдался хуже некуда.

Виски согревал нёбо и горло, тепло разливалось по телу, алкоголь однозначно действовал, Сергей даже чувствовал покалывание в кончиках пальцев, вот только расслабиться не удавалось. Он не знал, что будет дальше, боялся, переживал и очень, до скрипа в зубах, злился на Альбину. Бухгалтер, елки-палки! С высшим образованием, с опытом. О чем она думала?! Зачем влезла во все это?!

Два года назад, узнав, что жена проворачивает махинации с зарплатами, он тоже рвал и метал, но тем не менее вытащил Альбину из передрыги. Казалось, все осталось в прошлом, но неделю назад давняя история всплыла, да еще и в таком ракурсе, что представить страшно.

Мысли снова и снова возвращались к обыску и последовавшему за ним допросу, к намекам следователя, заковыристым формулировкам. Голиченко действовал очень тонко. Ни Сергей, ни Альбина, ни даже Наталья – давняя знакомая и по совместительству адвокат – поначалу не догадывались, что Сергея тоже подозревают, думали, речь исключительно об Альбине. Лишь услышав: «Где вы были в вечер убийства Подставкина?» – Сергей сообразил, к чему все идет, и от дальнейших показаний отказался. Однако ловушка уже захлопнулась, следователь узнал все, что ему было нужно, после чего вручил Сергею подписку о невыезде и отпустил домой.

Наталья сосредоточилась на защите Альбины, а Сергей приступил к поискам другого адвоката – профессионала, который бы с самого начала раскусил маневр следователя и понял, что на него хотят повесить убийство. Он обзвонил знакомых, начитался отзывов в интернете и составил небольшой список, первое место в котором с большим отрывом занимал Семен Анатольевич Ловкин.

Судя по комментариям на профессиональных форумах, его одинаково ненавидели как противники со стороны обвинения, так и коллеги со стороны защиты. С первыми все было

ясно, проигрывать никто не любит, а зависть коллег вполне могла являться признаком мастерства. Работая в больнице, Сергей не раз такое наблюдал: хирург-звезда становился белой вороной, вызывая ненависть коллектива своим талантом и профессионализмом. Обыденность не терпит гениев, задающих высокую планку, куда приятнее затеряться в серой, посредственной массе, где некомпетентность из порока легко трансформируется в норму.

Ловкин создавал впечатление адвоката, способного выиграть самое сложное дело, и так уж вышло, что Сергей хорошо знал его дочь. Поэтому, отыскав адрес Ники в больничной карте, он отправился к ней и пошел с козырей: сначала рассказал о вранье Подставкиной, а потом – о записке, которую собственноручно отдал ее мужу. Знал, что эта информация может сработать против него, но что еще оставалось делать? Ему нужен был адвокат, а заполучить Ловкина можно было, только перетянув на свою сторону Нику. Однако прошло уже три дня, а она так и не позвонила.

Виски в бокале закончился, солнце окончательно скрылось за горизонтом. Еще один день подошел к концу. Сергей поглаживал кованую ограду балкона и гадал: сумел ли он убедить Нику? Смог ли зародить в ее душе сомнения? Конечно, он предусмотрел план «Б» и договорился с другим адвокатом – номером два из списка. Но все-таки чувствовал бы себя увереннее, если бы его защищал Ловкин.

Из квартиры доносились обрывки разговора: Альбина общалась с Натальей по видеосвязи.

– Думаешь, предъявят обвинение?

– Скорее всего. Пойдешь по статье за мошенничество, на момент убийства у тебя алиби, так что...

Наталья понизила голос, и Сергей не услышал конец фразы, однако ответ Альбины картину прояснил:

– Ты что такое говоришь?! Он вообще оказался втянут во все это из-за меня!

Сергей стиснул зубы. Неужели толстуха-адвокатша хочет переложить всю вину на него?! Альбина напортичила, влезла в аферу, подставила их обоих, а ему отдуваться?!

Он развернулся, намереваясь войти в комнату и объяснить, что лучше бы им даже не пытаться его подставить, но в кармане завибрировал телефон. Номер оказался незнакомым.

Сергей выдохнул, поставил бокал на столик и принял вызов:

– Аллю?

– Добрый вечер, – раздался в трубке мужской голос. – Мне нужен Сергей Сергеевич Власенко.

– Я слушаю.

– Здравствуй, Сережа. Это Семен Анатольевич Ловкин.

Сергей победоносно сжал кулак. Да! Ника все-таки поговорила с отцом. Наконец-то хорошая новость.

– Добрый вечер, Семен Анатольевич. Спасибо, что позвонили! Я... я вам очень благодарен.

– Рано благодарить. Вероника сказала, что тебе нужен адвокат, и попросила с тобой пообщаться.

Сергей уловил в голосе Ловкина недовольство, похоже, разговор был ему неприятен. Хотя этого стоило ожидать, учитывая, о каком деле шла речь. Но он позвонил! Вряд ли чтобы сообщить, что отказывается представлять его интересы.

– Нам, наверное, нужно встретиться и все обсудить? Я могу подъехать в любое время.

– Встретиться нужно, твоя правда. И затягивать не стоит. Ко мне поступила информация, что на днях тебе назначат суд по избранию меры пресечения.

– Хорошо. Это какое-то предварительное заседание? Я еще не до конца разобрался...

– Суд по избранию меры пресечения – это не предварительное заседание. Все очень серьезно. Тебе грозит заключение под стражу за нарушение условий подписки.

До Сергея дошло не сразу, юридическая терминология сухими формулировками маскировала ужасную новость: его хотят отправить в СИЗО!

– Но я же ничего...

– Нарушил, и это факт, у следователя есть доказательства. Думаю, если бы не ковид, суд бы уже состоялся, но сейчас все процедуры проходят дольше.

– То есть они хотят...

– Посадить тебя в изолятор. Скорее всего, следователь будет использовать этот рычаг, чтобы выбить из тебя явку с повинной. Но, насколько я понял, ты придерживаешься позиции «невиновен»?

– Я... – Сергей вцепился в ограду балкона. – Я не убивал Максима! Семен Анатольевич, меня в тот день даже в городе не было!

– Не стоит обсуждать это по телефону. Сейчас вышлю адрес, приезжай, прикинем варианты. Возьми такси, чтобы не нарваться на патруль. Это тебе сейчас точно не нужно.

Ловкин вел себя довольно резко, не давая Сергею времени подумать. Хотя кто сказал, что адвокат должен быть чутким и внимательным?

– Хорошо... я... Семен Анатольевич! – Сергей выдохнул, собираясь с мыслями, за первое место в списке боролись сотни вопросов. Он выбрал главный: – Так вы согласны меня защищать?

– Вероника попросила, так что да, согласен.

– Спасибо! Как вы думаете, какие у меня шансы? Я имею в виду не все дело в целом, а сейчас? Меня и в самом деле могут отправить в СИЗО?

Ловкин ответил не сразу – то ли взвешивал шансы, то ли подбирал слова. То ли и в самом деле не желал обсуждать дело по телефону.

– Могут, Сережа. Скажу прямо: скорее всего, отправят.

Сергей только теперь заметил, что на улице стало очень тихо: лягушки замолчали, соседи выключили джаз. Ловкин по ту сторону трубки не издавал ни звука.

Сергей стукнул кулаком по перилам, чтобы хоть как-то развеять это мрачное, гнетущее молчание. Это не сон, все происходит на самом деле. Нельзя раскисать, нельзя поддаваться панике! Нужно встретиться с адвокатом, все обсудить, найти выход. Должен быть выход!

– Присылайте адрес, выезжаю.

– Хорошо. Тогда до встречи.

Ловкин сбросил вызов, и через пару секунд пришло сообщение с адресом. Ощущение нереальности легким туманом застилало глаза, хотя, возможно, виной тому был выпитый виски. Хорошая новость – он заполучил лучшего адвоката, плохая – его, скорее всего, упекут за решетку.

Сергей вызвал такси и пошел в спальню одеваться. Явка с повинной? Не дождутся. Не на того напали. Он будет сражаться. Будет биться за свободу до тех пор, пока на победу остается хоть малейший шанс.

Глава 4. Семейный обед

На контрасте с застывшим, усыпленным карантином миром, дело Подставкина развивалось стремительно: всего два дня назад Ника встретила с Голиченко, а сегодня утром папа уже отправился на слушание по избранию меры пресечения.

Первую половину дня Ника честно пыталась работать, пока третий раз не поймала себя на том, что бессмысленно скролит ленту соцсетей. Название для магазина головных уборов никак не удавалось придумать. Здравый смысл подсказывал, что клиент не примет вариант «Ну и шляпа!», однако ничего другого в голову не приходило. Мысли снова и снова возвращались к Сергею. Неужели его отправят в СИЗО?

От папы вестей не было. Ника в сотый раз умоляюще посмотрела на телефон, и тот наконец сжалился, завибрировал – пришло сообщение.

Папа

Посадили.

Папа, как всегда, был немногословен.

Ника закрыла глаза и медленно втянула воздух. Она знала, что так будет. Папа предупреждал, что шансы на хороший исход минимальны, но надежда все это время жила, а сейчас разбилась, осколки кололи и резали, напоминая: это она виновата. Напортачила. Пошла к Голиченко, подставила Сергея, и теперь он лишился свободы.

Ника

Что будем делать?

Написала она папе и получила ожидаемый ответ:

Папа

Не по телефону.

Как будто в условиях пандемии существовал другой способ общаться! Однако бесполезно было спорить. Папа отказывался обсуждать дела по телефону, потому как не сомневался, что звонки прослушиваются, а сообщения просматриваются. К счастью, он не думал, что следят за ним лично, но утверждал, что в случае необходимости «они» поднимут все, что потребуется, и примут соответствующие меры. Кто «они» – можно было не спрашивать, какие «меры» – тоже оставалось загадкой, в лучшем случае папа выдавал «ясно кто» и «меры не из приятных», что ситуацию не особо проясняло. Вроде раньше он не был таким параноиком, неужели пандемия оголила тайные страхи и переживания?

Ника задавалась вопросом: правильно ли поступила, втянув его в дело Подставкина? Папа излучал непоколебимость и твердил, что за тридцать лет адвокатской практики научился отделять работу от личного, но Ника подозревала, что папина шкура гораздо тоньше, чем он демонстрирует. Не взвалила ли она на него слишком много? Может, правильнее было поступить, как советовал Кирилл, – предложить Сергею искать другого адвоката?

Вот только никому, кроме папы, Ника не доверяла, он был лучшим, это подтверждала статистика. К тому же существовал еще один фактор, безусловно повлиявший на ее решение: через папу она будет в курсе происходящего, ни один другой адвокат ее близко к расследованию не подпустит. Одна беда – по телефону от папы ничего не добьешься. Значит, пришло время нарушить режим самоизоляции.

Ника вооружилась пакетом с мусором, верным способом избежать штраф, коробочкой зефира к чаю и отправилась в гости к родителям. Жили они недалеко, десять минут дворами.

На улице не было ни души: тех, кого не пугал ковид, разогнала по домам погода. Небо хмурилось, пророча грозу. Ветер поднимал пыль, возможно, гремел гром, но Ника бы все равно его не услышала, слуховые аппараты такую роскошь не позволяли. Зонт благополучно остался дома, поэтому она торопливо шагала по тротуару, ловя открытыми плечами первые тяжелые капли.

Двор около родительского дома был непривычно безлюдным: детскую площадку украшала красно-белая лента, лавочки пустовали, даже вездесущие воробьи куда-то подевались. Лишь сосед Вениамин Степанович выгуливал Барбоса. Старенькая немецкая овчарка заметно сдала и, вместо того чтобы метить территорию, сучала у ног хозяина. Вениамин Степанович тоже выглядел не очень – стоял, опершись на трость, и даже не заметил приветственно помахавшую ему Нику. Может, задремал?

– Здорово, Степаныч! – крикнул кто-то сзади.

Сосед не отреагировал, а вот Ника обернулась – к подъезду подходил папа. Судя по дипломату в руке и переброшенному через локоть пиджаку, возвращался из суда. Значит, она подросла вовремя.

– Привет! Вот так сюрприз! – Папа глянул на пакет в руке Ники и понимающе ухмыльнулся. – Любопытство замучило?

– Есть немного. Ты же молчишь, как партизан, а я хочу быть в курсе.

– Понятно. Значит, мусор теперь будешь выбрасывать в наши контейнеры? Может, лучше собаку заведешь? – Он обнял ее, поцеловал в щеку. – Я уже забыл, как ты выглядишь.

– Надеюсь, не сильно изменилась.

Ника прижалась к отцу, понимая, что очень соскучилась. Сколько они не виделись? Пару месяцев? До начала пандемии она погрязла в делах и долго к родителям не выбиралась, а потом начался весь этот апокалипсис, и с визитами пришлось повременить.

Папа за это время поседел еще больше, серебристые волосы обрамляли приличную лысину на макушке, к тому же он прибавил пару-тройку килограммов – рубашка обтягивала живот, которого до пандемии не было. Ника и по себе чувствовала, что самоизоляция вредит фигуре. Что еще остается делать, когда тебя заперли в четырех стенах? Единственная радость в жизни – съесть что-нибудь вкусненькое или пообщаться с близкими по видеосвязи. Она давно спрятала весы в шкаф, потому что цифры на них ничего хорошего не сообщали.

– Мама дома?

– Где ж еще ей быть?

Папа прижал ключ-таблетку к домофону, замок щелкнул. Они вошли в подъезд и направились к лифту.

– Как прошел суд?

– Я же написал.

– Ага, одно-единственное слово. Мне бы хотелось услышать подробности.

Двери лифта разъехались, они вошли внутрь.

– Значит, услышишь. Придем домой, и все расскажу.

Папа ткнул кнопку пятого этажа, и кабина медленно поехала вверх. Ника вздохнула, но набралась терпения. Папа и тут перестраховывался, видимо, считал, что у лифтовых стен имеются уши.

На лестничной площадке их поджидала мама, – похоже, заметила Нику из окна.

– Солнышко мое!

Она шагнула вперед, обняла Нику, поцеловала в одну щеку, в другую, стиснула еще сильнее.

– Привет, мамуль! – наигранно прохрипела Ника. – Я тоже соскучилась.

– Задушишь дочь, – хмыкнул папа, обходя их. – Потом хлопот не оберемся. Нет такого смягчающего обстоятельства, как большая радость, так что поосторожнее.

Мама выпустила Нику из объятий.

– Как ты? Хоть бы предупредила, что придешь.

– Чтобы вы пир горой закатили? Нет уж, к вам лучше сюрпризом. – Ника протянула ей зефир, зашла в квартиру, скинула босоножки и пристроила мусорный пакет в углу.

Мама окинула его взглядом, но комментировать не стала.

– Ян! – прокричал папа из спальни, дальше последовало неразборчивое бормотание, Ника уловила лишь «поесть».

– Я и без твоих визитов целыми днями только и делаю, что готовлю, – проворчала мама и добавила громче: – Сейчас что-нибудь придумаем!

Ника изумленно посмотрела на нее.

– Ты? Готовишь? Я в правильную квартиру попала? – Она выглянула в коридор, делая вид, что разглядывает номер на двери.

– Иди уже руки мой! Теперь до конца жизни будете надо мной издеваться!

Ника, посмеиваясь, пошла в ванну. У них в семье, как любил повторять папа, все было не как у людей. Мама сроду не готовила, говорила, что у нее на кулинарный процесс аллергия, максимум могла сделать бутерброд, а когда пропадала в своей мастерской, вовсе забывала, что людям положено обедать. Она ремонтировала обувь и сумки, неплохо зарабатывала и обеспечивала семью, пока папа поднимался по ступеням юридической карьеры. Со временем доход от адвокатской деятельности заметно обошел доход от предпринимательской, но сложившийся годами порядок сохранился – за завтраки, обеды и ужины отвечал папа.

Все изменилось полгода назад, когда подруга затащила маму на кулинарные курсы. Свершилось чудо – мама прониклась. Теперь она медленно, но верно отвоевывала у папы кухню. Хотя чаще они готовили вместе, и Ника обожала такие моменты. Родители гармонично смотрелись у плиты, притворно ворчали друг на друга, обменивались шутками и поцелуями. В доме появилась новая традиция – совместная готовка, и, выйдя из ванной комнаты, Ника с удовольствием присоединилась к процессу.

Мама расставляла на столе тарелки, папа резал хлеб. Он уже переоделся в домашнее: шорты и футболка шли ему куда больше официального костюма. Ника помыла заварник и достала из шкафчика упаковку чая.

Родительская кухня, объединенная с гостиной, часто становилась местом сбора друзей и родственников. Мама обожала посиделки за широким обеденным столом, папа любил в честь таких посиделок приготовить что-нибудь особенное.

Чайник шумел, в духовке что-то шкварчало – Ника этого не слышала, но давно уже научилась представлять звуки по светящимся индикаторам и дурманящим ароматам. Пахло запеченным сыром и помидорами, живот заурчал, предвкушая трапезу.

– Как тебе моя новая стрижка? – поинтересовалась мама, протягивая Нике масленку.

Волосы у нее и в самом деле лежали по-другому: стали чуть короче, хотя и раньше не были длинными, челка была уложена набок, виски открыты.

– Мне нравится. Кто тебя стриг?

– Сама. Посмотрела инструкцию в интернете, заказала в магазине ножницы и устроила домашний салон.

– Я красил, – с гордостью вставил папа, выкладывая хлеб в корзинку.

– Ну вы даете!

– Надо же как-то развлекаться. – Мама достала из холодильника баночку икры и продемонстрировала этикетку «Царская трапеза». – Как там Кирилл?

Упоминание «Царской трапезы» неизменно ассоциировалось с Кириллом. До недавнего времени он владел долей в компании «Русский деликатес», которая вошла в состав «Царской трапезы» – бывшего работодателя Ники и нынешнего клиента. Теперь вся продукция «Дели-

катеса» и «Трапезы» выпускалась под единым брендом, разработкой и сопровождением которого занималась Ника.

– Кирилл скучает, не удивлюсь, если от безделья тоже в стилисты пойдет. Но пока строит мангал, а я жду первой возможности к нему переехать.

Ника заварила чай, достала из ящика бутербродный нож и присоединилась к папе: она намазывала хлеб маслом, папа выкладывал сверху икру.

Мама открыла духовку, умопомрачительный аромат запеченных помидоров и расплавленного сыра стал еще ярче. Следом появился противень с любимым Никой мясом по-французски.

– Похоже, вы меня ждали!

– Мы всегда тебя ждем, – улыбнулась мама.

За весь день Ника съела одно-единственное овсяное печенье, так что домашняя еда была очень кстати. До пандемии они с Кириллом частенько придумывали что-нибудь интересное: то лепили пельмени, то жарили стейки, то делали роллы, – но, оставшись в квартире наедине с собой, Ника забросила готовку. Кулинарный процесс увлекательнее, когда делишь его с любимыми, поэтому она с таким удовольствием помогала сейчас родителям.

– У нас сегодня, кстати, ожидаются и другие гости. Где-то через час придет Наталья Семашко, адвокат Альбины. – Папа заговорщически подмигнул, знал, что Нику эта новость заинтересует.

В голове сразу вспыхнули сотни вопросов, но Ника не успела выбрать, с какого начать, ее опередила мама:

– Начинается! Мало того, что ты шастаешь по судам, так теперь и к нам будут ходить все, кто ни попадя. Имей в виду: без маски никого не пущу.

Совость от души врезала Нике в область грудной клетки, мама глянула на нее и поспешно добавила:

– Солнышко, к тебе это не относится! Тебе мы всегда рады!

Однако это не отменяло того, что папа рисковал здоровьем, взявшись защищать Сергея.

– Извини, мотаешься по судам из-за меня. Не надо было тебя втягивать...

– Не говори глупости! – Папа выбросил в урну пустую банку. – Не было бы этого дела, появилось бы другое. Маску я ношу, руки мою, социальную дистанцию соблюдаю, так что все будет в порядке. – Он уселся за стол, давая понять, что больше эту тему обсуждать не намерен. – Давайте уже есть! Я голодный как черт, с утра на одной овсянке.

Ника вздохнула, теперь она еще больше чувствовала себя виноватой. Да, папа был осторожен и соблюдал рекомендованные Минздравом меры, но это не гарантировало безопасности. Слишком мало было известно о новом вирусе, а истории, которыми пестрел интернет, пугали. Что, если папа заболит?

Мама уже раскладывала горячее по тарелкам. Наконец все расселись, вооружившись ножами и вилками. В воздухе витала недосказанность, мама попыталась разрядить обстановку:

– У вас с Кириллом все хорошо? Не ругаетесь?

Ника улыбнулась. Из-за чего им ссориться? Разве что слишком горячо выяснять, кто круче: кошки или собаки? Она традиционно отстаивала пальму первенства своей серой любимицы, Кирилл настаивал, что его Гера, американский стаффордширский терьер, – самое преданное и заботливое существо на свете. Они всегда препирались в шутку, потому как на деле души не чаяли в обоих питомцах.

– Если б не пандемия, мамуль, я бы давно переехала к Кириллу. Надо было еще осенью это сделать.

Папа довольно улыбнулся.

– Чувствую, скоро будем гулять на свадьбе.

Это было что-то новенькое, раньше родители тему свадьбы не поднимали.

– Мне Кирилл нравится, – подхватила мама. – Вежливый, внимательный, зарабатывает хорошо.

– Ради нашей Ронюшки в Краснодар переехал. Дом купил, ремонт сделал. Хороший парень.

Они синхронно посмотрели на Нику: то ли репетировали эту беседу, то ли за тридцать лет совместной жизни научились думать в унисон. Ника сделала вид, что намеков не понимает. Не то чтобы она сомневалась в отношениях с Кириллом, наоборот, для нее было аксиомой, что они навсегда вместе. Просто она не думала о свадьбе. Куда торопиться? Они еще даже съехаться не успели.

– Вы, главное, сильно не затягивайте, – не отставал папа, орудуя вилкой и ножом. – Мишка вон с Аленой девять лет чего-то ждали и дождались.

Ника проткнула вилкой сырную корочку.

– Не думаю, что штамп в паспорте это бы исправил.

Расставание старшего брата с девушкой потрясло всю семью. Миша с Аленой начали встречаться еще в России, потом вместе переехали в Германию, и все это время казалось, что они живут душа в душу, но недавно отношениям пришел конец.

– Как знать, – пожал плечами папа. – Одно ясно: проверку на прочность они не прошли. Самоизоляция проявила все обиды и недомолвки. Не удивлюсь, если статистика в этом году покажет резкий рост числа разводов. Это при условии, что мы вообще переживем пандемию: что ни день, новые заболевшие, неизвестно, чем они там в Минздраве думают.

Родители переключились на обсуждение коронавируса. Сначала припомнили меры, граничащие с идиотизмом, потом те, которые, по их мнению, были недостаточными, затем перешли к статистике заболевших.

Ника в беседе не участвовала. Наверняка родители проходились по этой теме не один раз, но какой толк обсуждать проблему, разобраться в которой могут только профессионалы? Ника не была ни политиком, ни вирусологом, а потому предпочитала делать то единственное, что могла контролировать: соблюдать осторожность и не поддаваться панике.

Так что вместо пустой болтовни она сосредоточилась на обеде. Сочная майонезно-сырная корочка оказалась бесподобной. Оригинальный рецепт мяса по-французски включал свинину, но мамина версия, с курицей, понравилась Нике куда больше.

– Очень вкусно! – похвалила она, когда родители закончили обсуждать очередного заболевшего знакомого.

Мама улыбнулась.

– Не пересолила?

– Нет, мамуль, соли в самый раз. Объедение!

– Поддерживаю. – Папа отодвинул пустую тарелку. – Съел бы еще пять порций, но, боюсь, не влезет.

Ника тоже уже доела.

– Чай наливать? – Она поднялась из-за стола.

– Наливай, – синхронно ответили родители.

Ника убрала посуду, разлила чай по кружкам, насыпала в вазочку печенье, открыла зефир. Они перебрались за кофейный столик, родители заняли диван, Ника забралась с ногами в кресло, гадая, можно ли уже повернуть разговор к делу Подставкина или подождать.

Папа поймал ее взгляд и понимающе хмыкнул.

– Спрашивай, не то помрешь от любопытства.

Нику не нужно было просить дважды, она заранее подготовила список вопросов.

– Сергея и Альбину подозревают в покушении на убийство, правильно?

– Правильно.

Мама покачала головой, но возражать не стала. Она не любила, когда дома обсуждались адвокатские дела и тем более убийства, однако случай был особый: вся семья интересовалась этим расследованием и все хотели, чтобы настоящего убийцу посадили в тюрьму.

– Что именно, по мнению Голиченко, они сделали? Как убили Подставкина?

– Все подробности я узнаю, только когда Власенко предъявят обвинение. Сейчас он подозреваемый, а потому Голиченко хранит тайну следствия. Но кое-что мы уже можем заключить из предыдущих допросов. Во-первых, мотив. По мнению следователя, семья Власенко мошенничала с зарплатами, а Подставкин их раскрыл.

– Насколько я поняла, Альбина мошенничала сама?

– Зависит от того, с какой стороны посмотреть. Если судить по ее показаниям и по показаниям моего пациента, то да, она все провернула сама, но у Голиченко другое мнение. Ты же просила версию следователя?

– Да, извини. Больше не перебиваю.

Пациентами папа называл своих доверителей, деля их на «амбулаторных» – тех, что находились под подпиской или домашним арестом, и «стационарных» – пребывающих за решеткой. Сергей очень быстро переместился во вторую категорию.

Папа взял зефир и потянулся за сахарницей, мама тут же отодвинула ее подальше.

– Ложечку-то можно? – обиженно возразил папа.

– Нет. В зефире и без того сплошной сахар. Либо – либо.

В последнее время мама часто сетовала, что папа налегает на сладкое, и следила, чтобы он не переусердствовал.

– Никакой радости в жизни, – вздохнул папа, разламывая зефир на половинки. – Но вернемся к Власенко. По версии следователя, Подставкин раскрыл мошенничество с зарплатами. Как именно – мы пока не знаем, но якобы за это его и убили.

– А в чем суть мошенничества, уже известно? – спросила мама.

– Классика жанра, «мертвые души».

Мама понимающе кивнула, но Нике это название ни о чем не говорило.

– Что за «мертвые души»?

Папа откусил зефир.

– *Тактоародезывают.*

«Так это в народе называют», – перевела Ника. Папа прожевал и продолжил:

– Альбина устроила трех студентов в больницу, они числились санитарями, но по факту не работали. Зарплата им при этом начислялась, Альбина забирала ее себе. Власенко говорит, что о мошенничестве узнал два года назад от главврача, когда та вызвала его и устроила взбучку. Думала, «мертвые души» – его рук дело. Но мой пациент о происходящем не подозревал, так он по крайней мере утверждает.

– А почему главврач подумала на Сергея?

– Потому что он старший медбрат и подписывал документы. К тому же одна из «мертвых душ» – его сестра. Голиченко выяснил, что часть подписей, например в приказах о трудоустройстве, ставила Альбина, но часть принадлежит моему пациенту. Власенко утверждает, что просто подписывал табели, которые подсовывала Альбина. Привык, что она делает всю бумажную работу. Она тогда работала бухгалтером в их больнице. В любом случае ситуация довольно скверная, все указывает на причастность Власенко к мошенничеству, а показания его жены и сестры следователь трактует как предвзятые.

– Понятно, – пробормотала Ника, хотя картина еще до конца не сложилась. – Значит, по мнению следователя, Подставкин раскрыл мошенничество Сергея и Альбины. Допустим. А что было дальше? Как они его отравили? И где взяли ту предсмертную записку?

– Пока не знаю. О! – Папа прислушался. – Это, наверное, Семашко. Яночка, откроешь?

Мама кивнула и пошла в прихожую. Ника звонок не услышала, слуховые аппараты с такой задачей редко справлялись. В тот вечер, когда к ней без приглашения появился Сергей, она чудом увидела его из окна, и то только потому, что Сергей сигнализировал фонариком. Он подсмотрел ее адрес в больничной карте, но номер телефона там был указан родительский – после аварии Ника лишилась не только слуха и машины, но и смартфона. Так что Сергею пришлось проявлять изобретательность.

– В воскресенье в их квартире был обыск, – продолжил папа. – Я изучил протокол, и, на мой взгляд, ничего важного не нашли. Но это неудивительно, учитывая, что с момента убийства прошло два года. Забрали ноутбук. Власенко говорит, там ничего провокационного быть не может, надеюсь, что так оно и есть. Посмотрим, что расскажет Семашко. Совместим наши знания, попробуем сложить картину.

– Попробуем, – донеслось из коридора, а спустя пару секунд в гостиную вошла невысокая, полная женщина с волосами до плеч непонятного цвета: то ли выгоревшего коричневого, то ли затемненного рыжего; колец на ее пальцах было больше, чем у Ники в шкатулке; довершало картину помятое цветастое платье и красный пакет, который женщина положила в кресло. – Здравствуйте вам. Ты, по всей видимости, Вероника?

Ника кивнула, и Семашко цокнула языком.

– Да уж, тогда у нас возникла небольшая проблемка.

– Какая такая... – начал было папа, но не успел закончить.

Семашко выглянула в коридор.

– Альбин! Здесь Вероника.

На этот раз языком цокнул папа.

– Н-да, могла бы предупредить, что приведешь клиентку.

Семашко плюхнулась в кресло, прижав пакет спиной.

– Я и не собиралась ее приводить.

– Я сама напросилась. – В гостиную вошла высокая девушка в легком черном платье. Темные круги под глазами нисколько не портили ее красоту, лишь подчеркивали бледность кожи. Черные волосы были собраны на затылке в хвост. – Извините, не думала, что так получится.

Ситуация и в самом деле складывалась неприятная. Утром Сергея отправили в СИЗО за то, что он общался с Никой, а теперь она встретилась с Альбиной, которая тоже находилась под подпиской.

Ника посмотрела на папу.

– Может, мне уйти?

– А толку? Если Голиченко узнает о вашей встрече, это вряд ли поможет.

– Да откуда он узнает? – махнула рукой Семашко, после чего посмотрела на Нику и выразительно добавила: – Ему же никто не расскажет?

Ника опешила.

– Наташ, ты на что-то намекаешь? – Голос папы звучал спокойно, но интонация выдавала, что реплика Семашко ему тоже не понравилась.

Он, конечно, прочитал Нике лекцию о том, как опрометчиво она поступила, встретившись с Голиченко. Но папа на то и папа, чтобы за закрытыми дверями ругать, а прилюдно защищать и держать оборону.

– Нет-нет, без обид, Семен Анатольевич. Вы же знаете, это у меня чувство юмора такое специфическое. Постараюсь больше не шутить. Аль, заходи давай, стоишь в дверях, как неродная. Не узнает Голиченко о вашей встрече, не повсюду же у него глаза и уши.

Альбина нерешительно шагнула вперед, из-за ее спины выглянула мама.

– Куда бы вас посадить?

– Можно сюда, – привстала Ника. – Я на диван пересяду.

– Нет-нет, не нужно, – запротестовала Альбина, проходя в гостиную. – Извините за неудобство, нужно было предупредить, что я приду. Давайте, я здесь сяду?

Она указала на стоящий в углу желтый пуфик, который папа обычно использовал в качестве подставки для ног, когда смотрел телевизор.

– Вряд ли вам там будет удобно, – улыбнулась мама. – Лучше возьмите стул и поставьте ближе к дивану, а я пока чай приготовлю. Вам черный?

– Да, спасибо большое.

Сосредоточившись на гостеприимстве, мама напрочь позабыла об обещании обязать всех надеть маски. Оно и к лучшему, слуховой аппарат без возможности читать по губам малоэффективен.

Ника сняла с шеи цепочку со стримером, положила на столик и привычно пояснила:

– Это поможет мне лучше слышать.

Альбина сочувственно улыбнулась, ставя стул между креслом и диваном.

– Сергей рассказывал, как вам досталось. Мне очень жаль.

– Спасибо.

Ника пока не решила, как относиться к Альбине. Жена Сергея точно была замешана в мошенничестве с зарплатами и, возможно, была причастна к убийству. С другой стороны, Сергея обвиняли в том же, а после встречи с Голиченко Ника лишь утвердилась во мнении, что следователь ткнул в первого встречного, не удосужившись даже проверить алиби Подставкой.

Альбина села и расправила платье.

– Извините, что так вышло. Я просто не могу сидеть дома, пока Сережа там, за решеткой. – Это было уже третье сказанное ею «извините», а они еще даже разговор не начали.

Папа воспользовался моментом и, пока мама орудовала на кухне, добавил в чай две ложки сахара, после чего приступил к расспросам:

– Мы пытаемся разобраться в ситуации, но плаваем в тумане. Вы в этом деле варитесь дольше, так что будем благодарны за любую информацию.

– Даже не знаю, с чего начать. Мы были уверены, что Голиченко расследует мошенничество, но оказалось, что дело в убийстве Максима. – Альбина говорила так тихо, что Нике пришлось угадывать слова по губам.

– Давай лучше я, – вклинулась Семашко. – Семену Анатольевичу нужны факты, а мне с адвокатской стороны понятнее, на что обратить внимание.

– Да, конечно, – кивнула Альбина.

Мама поставила перед ней чашку с чаем, вторую передала Семашко, после чего села на диван рядом с папой.

– Сначала на допрос в качестве свидетеля вызвали Сергея, – рассказывала Семашко. – Он, умница, не пошел сам, позвонил мне, попросил поприсутствовать.

– Надо же, – хмыкнул папа. – Редкая предусмотрительность.

– И не говорите! Но мы с Альбиной давно друг друга знаем и с Сергеем не раз пересекались. Я люблю рассказывать, что бывает, если свидетель дает показания без адвоката. К счастью, Сергей умеет слушать. Но не суть, мы с ним пошли к Голиченко. Тот начал задавать вопросы о мошенничестве двухлетней давности. Хорошо, что я знала о той истории. Альбина тогда совершила глупость, но они с Сергеем все уладили: деньги вернули, с главврачом договорились, Альбина уволилась по собственному желанию. Там цена вопроса – сто тысяч, вроде мелочь, но кто знает, что у следователя на уме. В общем, я посоветовала Сергею взять пятьдесят первую.

– Правильно, – одобрительно кивнул папа.

Университетские годы на юрфаке остались позади, без практики многое стерлось из памяти, но базу Ника все-таки помнила: пятьдесят первая статья Конституции гарантировала право не свидетельствовать против себя и близких.

Семашко отпила чай и продолжила. Ника внимательно следила за ее губами, стараясь ничего не упустить.

– Распрощались мы с Голиченко, ничего ему не сказав, но на следующий день он вызвал на допрос Альбину. Я, естественно, тоже пошла. Та же история: мошенничество, все дела, мы берем пятьдесят первую. И тут Голиченко интересуется: где вы были третьего февраля восемнадцатого года? Я сразу напряглась, хотя тогда еще не знала, что в тот день убили Подставкина. Мы по-прежнему настаиваем на пятьдесят первой, Голиченко злится. Слово за слово, и я наконец понимаю, что на Альбину хотят повесить убийство.

Семашко потянулась за печеньем, и Ника воспользовалась паузой, чтобы посмотреть на Альбину. Та сидела с ровной спиной, опустив голову, как провинившаяся школьница. К чаю она пока не притронулась.

– Я отправила Альбину домой и дала задание: поднять все бумаги, все звонки, все что угодно, чтобы вспомнить, что она делала два года назад. Задача почти нерешаемая, но нам повезло! В тот вечер, когда убили Подставкина, Альбина была на приеме у онколога. Записи сохранились, и врач это подтвердил. Мы довольные пошли к Голиченко и сообщили, что Альбина не могла убить Подставкина, потому как у нее железное алиби...

– И он, ясно дело, перекинулся на ее мужа, – закончил папа.

– Ага, мотив тот же, подозреваемый другой. Следовательно какая разница? Главное – дело побыстрее закрыть. В общем, наш гений Голиченко устроил у них в квартире обыск, потом утащил Сергея на допрос. Я по-прежнему рекомендовала молчать и настаивала на пятьдесят первой. Голиченко это явно не понравилось, он подумал еще немного и решил, что двое подозреваемых лучше, чем один, вот и состряпал версию о предварительном сговоре. Я взялась защищать Альбину, а Сергею порекомендовала искать другого адвоката.

– Про предварительный сговор, пожалуйста, поподробнее, – попросил папа.

Семашко окунула печенье в чай.

– Рассказываю все, что знаю. В тот день у Подставкина был выходной, но тем не менее отравили его на рабочем месте. Голиченко полагает, что Альбина заманила Подставкина в больницу, после чего пошла на прием к онкологу, чтобы обеспечить себе алиби, а к делу подключился Сергей – намешал нитроглицерин в коньяк и опоил несчастного хирурга. Вот вам и сговор.

– Мы этого не делали, – прошептала Альбина, все так же глядя в пол.

– Ясень пень, не делали, – хмыкнула Семашко. – Но поди докажи. Это по закону у нас презумпция невиновности, а по факту – презумпция вины. Материалы дела нам до последнего не покажут, но что-то мне подсказывает, что все строится на показаниях двух свидетелей. Первый якобы видел сообщение Альбины с намеками на интим. Про второго знаю лишь, что нарисовался он сразу после допроса Сергея. Говорила этому балбесу держать язык за зубами, но он ляпнул, что в тот день ездил к маме в Кабардинку. Вот свидетеля и подсутили.

Ника почувствовала, что теряет нить разговора. Что за сообщение с намеком на интим, при упоминании которого щеки Альбины покраснели? О каких свидетелях речь? И кто, по мнению Семашко, их «подсутил»? Неужели Голиченко?

Папа шумно отхлебнул чай.

– К сообщению мы еще вернемся, а пока давайте о свидетелях. На завтра Голиченко назначил Власенко очную ставку с неким Александром Шевченко. Вам это имя о чем-нибудь говорит?

Об очной ставке Ника слышала впервые. По телефону папа предпочел об этом не упоминать.

Альбина подняла голову и ответила так тихо, что Нике пришлось читать по губам: «охранник в больнице».

– Сто пудов заявит, что видел тем вечером Сергея! – усмехнулась Семашко, а потом глянула на Альбину, рука ее застыла, не донеся печенье до рта. – погоди! А Бобриков тогда кто?

– Тоже охранник, – Альбина заговорила громче. – Сашка Бобриков и Шурик Шевченко, закадычные друзья и первые сплетники. Работают в разные смены.

– Та-а-ак. – Семашко откинулась на спинку кресла. – Значит, один охранник якобы видел твое сообщение, а второй нарисовался, чтобы сломать алиби Сергея. Только мне это кажется подозрительным?

– Мы пока не знаем, что заявит Шевченко, – заметил папа.

– Да ладно вам, Семен Анатольевич! Все ж ясно, как божий день. Или вы встречали следователей, способных играть тонко?

Папа вернул чашку на блюдо.

– Скорее всего, ты права. Я лишь говорю, что доподлинно нам это не известно. А теперь расскажи про сообщение, я об этом пока ничего не знаю.

Семашко откусила печенье и объяснила с набитым ртом:

– Альбина *ябобыпроси* Подставкина на свидание, отправив *емушение*.

Ника вопросительно посмотрела на папу, и он перевел:

– Альбина отправила сообщение и пригласила Подставкина на свидание.

– Это неправда! – замотала головой Альбина. – Никакое сообщение я не отправляла. Сашка врет.

Семашко наконец прожевала.

– Врет не врет, это не важно. Важны факты. Сообщение в твоём телефоне не нашли – это факт, причем в нашу пользу. Но, может, ты его удалила? Следователь сто пудов так и скажет. К тому же мы понятия не имеем, какие еще доказательства у него есть. Вдруг он нашел это сообщение в телефоне Подставкина?

– Не было никакого сообщения!

– Это ты так говоришь, а Бобриков утверждает другое. Ему-то, по версии следствия, врать незачем, а к тебе по умолчанию доверия меньше. Презумпция вины, помнишь? – Семашко закинула остатки печенья в рот и добавила: – Так что пока *щетьявнонефашу* пользу.

«Счет явно не в нашу пользу», – домыслила фразу Ника.

Папа сцепил пальцы в замок и подался вперед, уперев локти в колени.

– Именно поэтому я попросил тебя принести телефон моего пациента.

Семашко отодвинулась и достала из-за спины пакет.

– Чудом отбила во время обыска. Сразу у обоих телефоны забрала и операм кукиш показала. Они, естественно, взбесились, но кого это волнует?

– Молодец! – улыбнулся папа и пояснил для Ники: – Во время обыска следователи всегда проворачивают один и тот же трюк: приказывают положить телефон на видное место, чтобы подозреваемый никому не звонил. Мало кто знает, что это требование незаконно.

– Как это незаконно? – Ника не понаслышке знала, что такое обыск: в прошлом году в Стамбуле прошла через это малоприятное испытание. Тогда следователь тоже первым делом запретил кому-нибудь звонить. – Я точно помню, что во время обыска нельзя пользоваться телефоном.

– Конечно, нельзя, – кивнул папа. – Незаконно другое...

Он сделал паузу, явно ожидая, что Ника сама догадается. Или еще лучше – вспомнит. Порой в нем пробуждалось желание вырастить дочь-адвоката, хотя Ника давно уже выбрала другую стезю.

– Пока телефон у тебя, они не имеют права его забрать, – пришла на помощь Альбина. – Это уже будет личный обыск. Поэтому полицейские хитрят и требуют вытащить телефон из кармана и положить, скажем, на стол. Если что-то лежит на столе – это можно изъять в ходе обыска.

– Поэтому лучший вариант, – добавила Семашко, шаря рукой в пакете, – отдать телефон адвокату, так надежнее. Адвоката никто не может обыскать. Но опера тоже не идиоты, поверь, они делают все, чтобы во время обыска не пустить нас в квартиру. В этом случае нужно продемонстрировать следователю, что телефон выключен, и убрать его в карман. Тогда есть шанс, что не заберут. Хотя – Семен Анатольевич не даст соврать – всякое бывает.

Папа развел руками.

– Бывает. Но на то мы и нужны, чтобы оспаривать такие моменты. Главное – пароль от телефона никому не говорить.

– Ваша правда. – Семашко заглянула в пакет и, рассматривая его содержимое, продолжила: – Причем циферки надежнее всяких отпечатков и FaceID, иначе поднесут телефон к морде и привет. А пароль еще подобрать нужно.

Она встала, бесцеремонно вытряхнула содержимое пакета в кресло и окинула внимательным взглядом кипу ручек, документов, смятых чеков и фантиков от конфет.

– Вот он! – Черный смартфон отыскался под толстым синим блокнотом. Семашко положила его на стол. – Ну, рассказывайте, Семен Анатольевич. Что вы планируете там найти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.